Рождественское послание

Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II

Что Тебе принесем, Христе, яко явился еси на земли яко человек нас ради? Каждо бо от Тебе бывших тварей благодарение Тебе приносит: ангели пение, небеса звезду, волсви дары, пастыри чудо, земля вертеп, пустыня ясли; мы же Матерь Деву. Иже прежде век, Боже, помилуй нас.

Стихира на *Господи, воззвах* вечерни праздника Рождества Христова

Дорогие и возлюбленные о Господе Преосвященные архипастыри, весь священнический, диаконский и монашеский чин, благочестивые миряне — верные чада нашей Святой Православной Церкви!

Ныне мы вслед за древними мудрецами приходим, вед=омые Вифлеемской звездой, к яслям Божественного Младенца — Господа нашего Иисуса Христа. Мы вспоминаем, как волхвы *«возрадовались радостью весьма великою, и, войдя в дом, увидели Младенца с Мариею, Матерью Его, и, пав, поклонились Ему; и, открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну»* (Мф. 2, 10-11). Вступая в праздник Рождества Христова, и мы должны спросить себя: а что мы принесем к яслям, принявшим ныне Невместимого Бога?

Ему не нужны ни наша гордость, ни наша слава, ни наши материальные достижения. Прахом предстанут в Его очах суетные помыслы, житейские треволнения, попытки людей превознестись друг над другом. Пусть же главным нашим даром Рождшемуся от Девы Спасителю мира станет крепкая и искренняя вера — вера, пример которой дала нам Пречистая Дева Мария, сказавшая возвестившему Ей благую весть Архангелу: *«Се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему»* (Лк. 1, 38). Многие сегодня привыкли считать, что их свободный и независимый разум один только и может принести счастье, правильно выстроить жизнь личности и общества. Но Церковь за века своей жизни много раз видела, как возгордившиеся и удалившиеся от Бога люди в итоге оказывались несчастными и жалкими. И наоборот, пример Пресвятой Богородицы говорит нам, какой высоты может достичь человек, с верой предавший себя в волю Божию. «Дева Мария, — пишет преподобный Ефрем Сирин, — есть Дщерь Света,

потому что через Нее озарились Светом и мир, и обитатели его». Будем и мы с верою нести миру Свет, Который есть Христос Господь!

Другим нашим даром, принесенным к Вифлеемским яслям, да станет любовь — горячая и действенная любовь друг ко другу и ко всем окружающим нас людям. Воспримем как руководство на каждый день нашей жизни слова Христовы: *«По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою»* (Ин. 13, 35). Будем творить дела любви и милосердия ради тех, кому сегодня тяжело и одиноко, кто страдает, унывает и отчаивается — а такие люди всегда есть рядом с нами.

Взаимная любовь супругов, детей и родителей, скрепленная любовью к Богу и окружающим людям, всегда была основой крепкой христианской семьи. Наступивший год в Отечестве нашем объявлен Годом семьи, и во многих других странах, где служит Богу наша Церковь, забота о семье также становится наиглавнейшей. Нам, верным чадам Церкви Христовой, нужно с ревностью проявлять такую заботу. Все общество, особенно молодежь, должно заново открыть для себя простую и вечную истину: там, где нет любви, взаимной ответственности, готовности всю жизнь принести в дар тем, кого любишь, — там нет ни счастья, ни полноты бытия. Разводы, аборты, стремление к наживе и безконечным удовольствиям, забвение собственных детей, которые так часто оказываются лишенными родительской ласки и воспитания, — все это превращает жизнь отдельного человека и целого народа в безрадостное существование, исполненное укоров совести. Если же в семьях воцарятся любовь, вера, радость взаимной отдачи и поддержки друг друга, то нас будет окружать гораздо больше счастливых лиц. Изменится к лучшему и судьба наших народов.

Возлюбленные! В истекшем году Господь благословлял Свою Церковь миром, радостью и успехами во многих трудах, ко спасению народа Божия прилагаемых. В праздник Вознесения Господня была восстановлена полнота един-

ства Московского Патриархата с Русской Зарубежной Церковью, к которой принадлежит значительная часть нашего церковного народа, рассеянного по разным странам мира. Ныне мы вновь единая Церковь, скрепленная общением в Таинствах и молитвах, несущая свидетельство об истине Святого Православия не только в отечестве, но *«даже до края земли»* (Деян. 1, 8).

При активном участии православного народа совершались торжества в честь 600-летия преставления преподобного Саввы Сторожевского. О лучшем будущем для России, об исправлении ее исторических путей мы молились пред иконой Божией Матери «Державная» в день 90-летия ее явления. Молитвенно и торжественно отметили 90-летие восстановления Патриаршества в нашей Святой Церкви. В память о многих сотнях новомучеников и исповедников Российских, о тысячах и тысячах невинно убиенных в годы богоборческой власти из Соловецкого монастыря в Москву, на Бутовский полигон, где приняли мученическую кончину тысячи страдальцев за веру и правду, был принесен поклонный крест. Дай Бог, чтобы память об их подвиге укрепляла наш народ на путях духовного возрождения!

В прошедшем году нас не раз пытались разделить по национальному, политическому, социальному признакам. Церковь, пребывающая со своим народом в радостях и горестях, неизменно напоминает людям: лишь единство сделает нас сильными, свободными, способными преобразить мир. Соборное единство народа, от которого не могут отделить себя ни Церковь, ни светская власть, становится для нашего общества основой добрых дел. И мы молимся об этом единстве, стараясь укреплять его.

Будем свято хранить и в Церкви нашей *«единство духа в союзе мира»* (Еф. 4, 3). И в нынешний светлый праздник познаем всей глубиной сердца и разума, что именно к единению призвал нас Родившийся в Вифлееме Господь. «Сколько благ, — пишет святой Василий Великий, — доставило нам Спасителево вочеловечение, потому что расторгнутое и на тысячи частей рассеченное естество человеческое по мере сил своих снова приходит в единение и с самим собою, и с Богом»!

С праздником Рождества Христова и наступающим Новолетием, Преосвященные архипастыри, дорогие отцы, братья и сестры, поздравляю всех вас! Пусть свет Вифлеемской звезды всегда озаряет наши души, подавая силу идти путем Самого Христа, Который да дарует нам здравие, мир, крепость духовную и да ведет нас по нелегким жизненным путям. Грядущее же лето благости Господней да будет для Святой Церкви и народа земли нашей мирным, созидательным и благоуспешным.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами. Аминь.

АЛЕКСИЙ

Патриарх Московский и всея Руси
Рождество Христово
2007/2008 года
г. Москва
(печатается в сокращении)

Рождественское послание

Епископа Липецкого и Елецкого НИКОНА

И ты, Вифлеем-Эфрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле...
Мих. 5, 2

Возлюбленные о Господе досточтимые пастыри, честные иноки и инокини, благочестивые миряне! В этот святой и всерадостный день сердечно поздравляю всех вас с великим и светлым праздником Рождества Христова!

Подходит к концу еще один год благости Божией, дарованной каждому из нас и всей нашей Матери Церкви. Стоя на последней ступени уходящего года, мы снова в эти рождественские дни обращаем ко Господу наши умы и сердца и мысленно подводим итоги нашей деятельности, возвращаемся ко многим событиям и деяниям нашего церковного служения и переживаниям единства с Богом и друг с другом в Церкви Христовой, созданной и возглавляемой Вочеловечившимся Сыном Божиим. Мы искренне, сыновне благодарим Господа за все ниспосланные нам радости и скорби, успехи и испытания. Мы вновь и вновь испытываем себя: как мы отвечаем на любовь Господа, пославшего

Сына Своего Единородного, *«дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную»* (Ин. 3, 16).

Вместе с тем, мы также чистосердечно и глубоко сознаем свое всегдашнее недостоинство и греховность, и с Премудрым Соломоном в покаянном чувстве свидетельствуем: *«Итак, мы заблудились от пути истины, и свет правды не светил нам, и солнце не озаряло нас. Мы преисполнились делами беззакония и погибели и ходили по непроходимым пустыням, а пути Господня не познали»* (Прем. 5, 6-7).

Минувший год — время духовной и нравственной оценки всего, что было сделано за этот период в Липецкой и Елецкой епархии.

Руководство и представители епархии принимали активное участие в общественной жизни области, а также во многих церковно-общественных форумах и других мероприятиях как регионального, так и общероссийского уровней.

Мы провели всероссийскую научно-практическую конференцию «Роль Православия в развитии русской культуры и образования», учредительную конференцию Всероссийского общества православных врачей, Международную научно-практическую конференцию «Русская словесность как основа возрождения русской школы», духовно-медицинскую конференцию «Церковь и медицина: здоровье нации и современная демографическая ситуация», конференцию «Семья и общество: перспективы развития».

Липецкая епархия в истекшем году пополнилась новыми священнослужителями — было рукоположено в сан пресвитера 10 человек, в сан диакона — 12. Архиерейским чином освящены 8 престолов, колокола в шести приходах, два закладных камня в основание строящихся храмов. Освящены четыре храма. Вновь образованы девять приходов. В Духовных семинариях Московского патриархата учатся 65 священнослужителей. В епархии действует 80 воскресных школ, в которых трудятся более 170 преподавателей.

Резолюция Его Святейшества на «Отчет о жизни и деятельности Липецкой епархии за 2006 год» гласит: «Ваше Преосвященство, благодарю Вас, священнослужителей, монашествующих и всех церковных тружеников Липецкой епархии за труды, понесенные в прошедшем году». Мы очень благодарны Его Святейшеству за высокую оценку нашей деятельности по возрождению епархии.

Пусть Господь укрепит Его подвигом любви и чистоты и подаст Ему жизнь вечную. Пусть светлый уголек, сокрытый в душе Его, будет согревать и освещать и наши дни земного странствия!

Еще раз поздравляю вас, дорогие собратья, всечестные отцы, братия и сестры с Великим праздником Рождества Христова и Новолетием. Благоволение Божие, возвещенное в Вифлееме Ангелами, да дарует вам доброе здоровье, крепость сил в наступающем Новом году. Рожденный Богомладенец Господь наш Иисус Христос да благословит вас на созидательный, мирный труд по возрождению и укреплению нашей епархии и родного Православия.

НИКОН
Епископ Липецкий и Елецкий
Рождество Христово
2007/2008 года
г. Липецк

Все мы ближние друг другу

Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона.

Храм в честь Елецкой иконы Божией Матери, г. Елец, 9 сентября 2007 г.

С праздником вас, дорогие отцы, братья и сестры!

Сегодня вы слышали в Евангелии, как один законник спрашивал у Господа: «Какая наибольшая заповедь в законе?» (см. Мф. 22, 35-40).

И Он им сказал: *«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всею мыслию твоею: сия есть первая и большая заповедь: вторая же подобна ей: возлюби искренняго [ближнего] твоего яко сам себе: в сию обою заповедию весь закон и пророцы висят»* (Мф. 22, 37-40).

Возлюби ближнего. Конечно, мы ближнего определяем по его отношению к нам. Если кто-то хорошо относится к нам, то мы считаем: «Да, этот человек — мой ближний». А если этот человек идет против меня, тогда он не мой ближний... Но если мы вторую заповедь о своем ближнем не соблюдаем, то мы не исполняем и первую — о любви к Богу, потому что все люди — создание Божие. Если мы отвергаем Божие

творение, значит, мы не почитаем или даже отвергаем Бога и, следовательно, не исполняем заповеди: *«Возлюби Господа Бога всем сердцем...»*.

Есть такой рассказ про преподобного Иоанна Кущника (куща — это шалаш, отсюда так и назвали его). В богатой семье Евстратия и Феодоры было три сына. Двоих они отдали на военную службу, а третьего оставили при себе, учили его всему сами и очень дорожили им. И однажды он попросил купить ему Евангелие. Раньше не печатались книги, а писцы переписывали их. И по заказу родителей написали Евангелие, украсили хорошим окладом с камнями.

Читая Слово Божие, Иоанн многое переосмыслил в жизни, появились у него другие понятия о жизни и смерти. Он понял, что Господь — Создатель всего, и только с Ним можно жить и найти и радость, и утешение, и спасение. А тут ему встретился инок и стал объяснять учение христианское еще более подробно. Иоанн Кущник решил уйти от родителей...

И вот Иоанн с иноком-учителем, идя как бы на занятие, бегут на корабль, уплывают в другую страну и поступают в монастырь. Иоанн принял постриг и шесть лет подвизался в том монастыре, превзойдя многих иноческими подвигами. Монастырь назывался обителью «Неусыпающих». Там никогда не прекращалась молитва, инокн очень строго подвизались и хранили устав.

И вот враг рода человеческого — диавол стал нападать на Иоанна. Он внушает ему возвратиться к родителям, рисует ему картины, как те плачут и убиваются о любимом сыне. И Иоанн потерял покой, не знает, что делать? Тогда он рассказал настоятелю монастыря о своем душевном неспокойствии, и попросил благословения вернуться к родителям. Духовник благословил, зная, что Иоанн пойдет не просто сдаться диаволу, но бороться с ним и побеждать его...

Выйдя из обители, Иоанн увидел нищего, отдал ему свою одежду, а его ветхое рубище взял себе. Добрался Иоанн до Константинополя, пришел к своим родителям, к своему дому, не открывая себя. Слуги отгоняют его, но Иоанн просит у них разрешения остаться ему у ворот.

Отец его Евстратий, проходя мимо, увидел нищего, подал ему и сказал своим слугам: «Вы кормите его, потому что, может быть, и мой сын где-то переносит такие же трудности». Но а мать его Феодора, когда увидела нищего, сказала: «Гоните его отсюда. Я не могу смотреть на этого оборванца...» Слуги прогнали его на противоположную сторону улицы. А Иоанн все равно упросил, чтобы ему сделали маленький шалашик, кущу у стен дома этого богатого господина — его родного отца.

С тех пор Иоанн Кущник жил там в постоянной молитве, притесняемый и оскорбляемый, терпя голод, холод и зной, все время видел и отца своего, и мать, а они не узнавали его. Так он посрамил диавола, который думал, что если выгонит инока из монастыря, то увлечет его обратно в мир, и потеряет подвижник все, что приобрел в монастыре, как обычно и бывает. Святые отцы говорят: «Если монах вышел из монастыря, то таким же назад он уже не вернется». Да, он теряет приобретенные в обители смирение, терпение, благодать Божию...

Спустя несколько лет Господь извещает Иоанну, что через три дня он умрет. Тогда Иоанн просит через слуг, чтобы пришла к нему Феодора. «К этому нищему?! Да не за что! Я не могу даже видеть его...» Иоанн снова передает Феодоре, что совсем скоро он уйдет из этой жизни, а она будет очень сильно скорбеть, что не пришла к нему. И женщина все-таки решилась. Когда она пришла, Иоанн просит ее: «Я скоро умру и прошу вас: похороните меня в этой одежде, в которой я есть, и на этом месте, где я сейчас живу. И я вам за это дам самое дорогое, что есть у меня — Евангелие». И конечно, когда Феодора увидела книгу, позвала мужа, они начали смотреть и говорить: «Да это же Евангелие нашего сына!» И обратились к нищему: «Ты скажи, где наш сын?» А он: «Я и есть ваш сын»...

На второй день он скончался. Одели его в богатую одежду, но мать сразу же заболела странною болезнью... и поняла, что нельзя не выполнять последнее желание их сына. Похоронили Иоанна в нищенской одежде возле ворот их усадьбы...

Вот, дорогие, *«возлюби ближнего»* — гласит заповедь Божия. И если бы мать относилась ко всем одинаково, то и в лице ближнего, конечно же, был бы и ее сын! Но она считала: одни достойны быть ближним — близкими нам, а другие не достойны...

Сын многому научил родителей. На месте кончины святого отрока (а ему было всего не более 25 лет) они воздвигли храм и приют для нищих и бездомных... Память преподобного Иоанна Кущника совершается 15 января по старому стилю.

Вся наша жизнь заключается в том, чтобы исполнить заповедь Божию: возлюбить Бога всем сердцем. А любить ближнего всем сердцем мы не собираемся. Мы говорим: «За что я должен любить его? За какие заслуги? Что он мне сделал?..» Начинаем оправдываться и забываем о том, что Господь сказал, что вторая заповедь *подобна* первой.

Когда подошел ко Христу богатый юноша и спросил (см. Мф. 19, 16-22):

— Господи, что нужно сделать, чтобы спастись, чтобы быть совершенным?

— Соблюди заповеди.

— Я все это соблюл с детства.

— Но ты еще одного *«не докончал»*. Если хочешь быть совершенным, иди, продай свое имение, раздай нищим и иметь будешь сокровище на Небесах, и иди за Мной.

Христос и богатый юноша

И юноша, понурив голову, отошел от Господа, потому что у него было большое имение.

Когда мы проводим аналогию с нашей жизнью, то хотя у нас и нет большого имения, но то, что мы имеем, не хотим терять.

Все святыни, которые мы сейчас восстанавливаем, — это по любви к Господу и по любви к ближнему. Вот это Дом Божий, а все мы — ближние друг другу. И ради нас самих мы восстанавливаем порушенное.

...Да были времена, когда враг рода человеческого искусил нас и нашими же руками разорил страну, убил царя, порушил храмы, монастыри, уничтожил много священников. Но что-то Господь сохранил... В Липецкой области на то время, когда я стал правящим архиереем, было 73 прихода. Сейчас уже — 206, 190 с лишним храмов разрушено. Слава Господу, что появилась у людей ревность по Богу, и народ вспомнил о первой заповеди *«Возлюби Бога всем сердцем...»*. Каждый стал что-то приносить в свой храм, обитель. Стал жертвовать... И это малое, может, будет для них великим в их жизни, потому что этим они спасут не только свои души, но и души ближних своих. Ведь мы молимся за строителей, благотворителей, жертвователей храма сего, обители сея...

Те законники, которые изучали закон и преподавали людям, сами не претворяли его в жизнь. И мы также можем знать главнейшие заповеди: *«Возлюби Бога всем сердцем... и ближнего как самого себя...»*, но нисколько не подвигнуться, чтобы исполнить их. И когда предоставляется возможность отдать сердце Богу, мы еще думаем — отдавать или нет. А ведь Господь хочет жить в каждом человеке... Так начнем же понуждать себя хотя бы с малого...

Есть такая притча. В городе между собой спорили: «Хлебопекарь Петр самый жадный, никому никогда не дал куска хлеба...» И один говорит: «Неправда, я сегодня буханку хлеба у него выпрошу». И вот везет на повозке Петр хлеб, а нищий этот за ним бежит и про-

сит: «Дай хлеба... Ну дай — я же с голоду умираю». И так неотступно просит, что пекарь, чтобы отвязаться от него, кинул с размаху в нищего хлеб. Тот поднял хлеб, прибегает к товарищам и говорит: «Ну вот, а вы говорили, смотрите — хлеб дал, целую булку!» И когда этот Петр умер, на чаше весов были только плохие дела, добрых дел не было совсем. Тогда Ангел говорит: «Подождите, он подаяние сделал — дал целую буханку нищему». И нашли этот хлеб, вымазанный весь в грязи, в пыли, положили на вторую чашу весов — и эта буханка оправдала Петра.

Вот что значит что-то пожертвовать на храм, что-то дать неимущему. Любая наша милость и любовь, проявленная к ближнему, любовь от сердца, есть исполнение заповеди Божией. Помните, что сказал Господь наш Иисус Христос к сотворившим милость: *«Придите, благословении Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира»* (Мф. 25, 34). Аминь.

Святитель Тихон Задонский

Краткие нравоучительные слова

слово двадцать четвертое

О любви

Беседовали мы о злобе, теперь побеседуем о любви. Любовь — добродетель, противоположная злобе. Насколько горька злоба, настолько сладка любовь. Насколько вредна и пагубна злоба, настолько полезна любовь; и сколь злы и горьки плоды злобы, столь добры и сладки плоды любви. Злоба и для злобствующих, и для других горька; любовь и для любящих, и для любимых сладка.

Злоба снедает и связывает сердце; любовь развязывает и расширяет сердце.

Злоба умерщвляет; любовь оживляет. Мертв тот, кто в злобе живет, и жив тот, кто в любви пребывает.

Злоба печалит; любовь утешает, приносит радость и веселит.

Злоба жестока и свирепа; любовь мягка и кротка.

Злоба горда и превозносчива, а любовь смиренна.

Злоба немилосердна; любовь милосердна.

Злоба нетерпелива; любовь долготерпелива.

Злоба творит зло; любовь зла не творит, но творит добро.

Злоба всем ненавистна и гнусна; любовь для всех благоприятна и любима.

Злобу все осуждают; любовь все хвалят и превозносят.

Живущий в злобе беден и окаянен; живущий в любви блажен и благословен. Живущим в злобе и Бог, и люди гнушаются; о пребывающем в любви Бог и люди радуются.

Злоба — это семя диавольское; любовь — семя Божественное.

Итак, окаянно и пребедно состояние злобных людей, хотя бы они как боги в мире почитались; преблаженно и утешительно состояние сердец, исполненных любовью, даже если они как земля и гной попираются.

Те внешне красивы, но внутри гнусны; эти внешне некрасивы, но внутри сладки.

Те внешне блистают, но внутри темнеют и чернеют; эти внешне не смотрятся как нечто ценное, но внутри все имеют.

Те внешне здоровы, но внутри гнилы; эти внешне неказисты, не умеют красиво и гладко говорить, но внутри здоровы, красивы и приятны.

Те подобны яблокам красивым снаружи, но внутри горьким и червивым; эти подобны яблокам, внешне непригожим, но внутри сладким и вкусным.

Итак, те — злое древо, а эти — доброе. Ибо *дерево по плодам познается* (Мф. 12, 33): каковы плоды, таково и дерево.

Но посмотрим на плоды любви, да познаем, как дерево по плодам, так любовь от ее дел. Ибо любовь по делам, а не по словам познается.

Возлюбленные христиане! Если бы мы имели истинную любовь, то она отняла бы от нас всякое неблагополучие и ввела бы всякое благополучие: были бы наши города, села, деревни и дома местом рая, исполненным радости и сладости. Ибо любви без этого не бывает. Если бы в людях была любовь, не боялись бы мы разбоев, убийств, насилия, ограблений, ибо *любовь не делает ближнему зла* (Рим. 13, 10). Если бы была любовь, не было бы хищения, воровства и прочего зла, потому что *любовь не делает ближнему зла*. Если бы была любовь, не касались бы люди ложа своего ближнего, потому что *любовь не делает ближнему зла*. Если бы любовь была, не терпели бы люди клеветы, укоров, поношения, поругания, безчестия и прочего зла, ибо *любовь не делает ближнему зла*. Если бы любовь была, не обманывали бы нас люди, не прельщали и не лгали бы нам: *любовь не делает ближнему зла*.

Если бы любовь была, не нужны были бы нам суды, ибо не было бы того, что и за что судить и осуждать, поскольку не было бы злодеев и законопреступников. Суды установлены из-за преступлений закона. Истинно любящий от суда свободен, как и от греха.

Если бы любовь была, не нужны были бы нам сторожа, замки и кладовые для хранения

наших имений, ибо не опасались бы мы воров и хищников.

Если бы любовь была, не сидели бы люди в темницах за долги, оброки и недоимки, любовь бы того не допустила, ибо *любовь милосердствует* (1 Кор. 13, 4).

Если бы любовь была, не ходили бы люди полунагими и в рубищах, потому что любовь бы их одела, ибо *любовь милосердствует.*

Если бы любовь была, не скитались бы люди бездомные, потому что любовь бы этого не допустила, но дала бы им место упокоения, ибо *любовь милосердствует.*

Если бы любовь была, не было бы нищих и убогих, потому что любовь богатых дополнила бы их недостатки.

Если бы любовь была, не жаловались бы власти на подвластных и подвластные на власти, потому что власти созидали бы общество, а подвластные были бы им послушны. По этой же причине не жаловались бы пастыри на людей и люди на пастырей, господа на рабов и крестьян и рабы и крестьяне на господ, родители на детей и дети на родителей...

Если бы любовь была в нас, то была бы она нам вместо крепкой стены против турок и прочих наших неприятелей и всех видимых и невидимых врагов наших. Ибо где любовь, там Сам Бог, Помощник и Заступник любви.

О любовь, любезная и сладкая любовь! Без любви все худо и неблагополучно, а с любовью все хорошо и благополучно.

Ныне христиане любят жить в богатых домах, сидеть за богатой трапезою, одеваться в богатую одежду, ездить в богатых каретах и на конях, хотя и видят недостатки и бедность ближних своих. А отсюда видно, что они только самих себя любят, а не Бога и своих ближних. Поэтому в людях бывает всякое неблагополучие, бедствие и окаянство. Ибо причина всего зла — самолюбие. Поэтому Человеколюбивый Бог, имея попечение о нашем благополучии, дал нам следующую заповедь: *возлюби ближнего твоего, как самого себя* (Мф. 22, 39).

Некогда у христиан было *одно сердце и одна душа* (Деян. 4, 32). Ныне видим противоположное тому: ныне у христиан сердце против сердца и душа против души. Ныне уста всех исполнены любовью или, лучше сказать, лестью, но очень редко у кого на сердце есть любовь, потому что *по причине умножения беззакония, во многих охладела любовь* (Мф. 24, 12). Христиане, горе нам без любви! Где нет любви, там нет веры, ибо вера без любви не бывает, а где нет веры, там нет Христа и спасения. Христиане! Мы исповедуем Бога, Который есть Любовь (1 Ин. 4, 8). «Возлюбим же друг друга, да единомыслием исповемы Отца и Сына и Святаго Духа» (Евхаристический канон). Аминь.

БЕЗ ЛЮБВИ ВСЁ — НИЧТО!

ОБЯЗАННОСТЬ без любви делает человека **РАЗДРАЖИТЕЛЬНЫМ.**
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ без любви делает человека **БЕЗЦЕРЕМОННЫМ.**
СПРАВЕДЛИВОСТЬ без любви делает человека **ЖЕСТОКИМ.**
ПРАВДА без любви делает человека **КРИТИКАНОМ.**
ВОСПИТАНИЕ без любви делает человека **ДВУЛИКИМ.**
УМ без любви делает человека **ХИТРЫМ.**
ПРИВЕТЛИВОСТЬ без любви делает человека **ЛИЦЕМЕРНЫМ.**
КОМПЕТЕНТНОСТЬ без любви делает человека **НЕУСТУПЧИВЫМ.**
ВЛАСТЬ без любви делает человека **НАСИЛЬНИКОМ.**
ЧЕСТЬ без любви делает человека **ВЫСОКОМЕРНЫМ.**
БОГАТСТВО без любви делает человека **ЖАДНЫМ.**
ВЕРА без любви делает человека **ФАНАТИКОМ.**

Епископ Вениамин (Федченков). 1920 год

«...и вочеловечшася. Распятаго же за ны...»

Митрополит Вениамин (Федченков)

«...и вочеловечшася. Распятаго же за ны...»

Досточтимые отцы и братия! Так Церковь поет в Символе веры. Вслед за рождением Сына Божия она тотчас же вспоминает о страданиях Его, распятии и смерти. И мы, особенно священнослужители, приветствуя друг друга, задумываемся над страданием Родившегося нас ради. И это не будет случайным словом и без связи с праздником Его рождения, а наоборот — неразрывным одно с другим действием, тесно связанными событиями... Вертеп и Голгофа — это начало и конец одного дела — спасения человечества.

Редко кому приходится задумываться над связью этих событий. А между тем все мы знаем, что рождение Его сопровождалось страданиями. Но только ввиду чрезвычайной радости Боговоплощения мы почти не замечаем скорбей, сопровождавших Рождество Христово. А на самом деле они начались одновременно.

Воплотился Творец мира и не нашел Себе места даже в простой хижине для рождения, чего обычно не лишается и самая бедная мать.

Источник мира — Сам рождается на скорби, которые начинаются с пеленок.

В восьмой день, когда Мария Дева приносит Его в храм на обрезание, Симеон Богоприимец пророчествует о том, что Младенец будет предметом споров на земле: одним Он будет на спасение, а другим — на падение. А Матери он предрек горькое предсказание: *«И Тебе Самой оружие пройдет душу...»* (Лк. 2, 35). После же Он Сам скажет людям: *«Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее... И враги человеку — домашние его»* (Мф. 10, 34-36).

Скажет Он, что кто за Ним захочет пойти, тот, подобно Ему, должен будет взять свой крест и последовать за Ним (ср.: Мф. 16, 24).

И Свой крест он понес с рождения. Ирод будет искать убить Его, как будто конкурента по царству земному. А не найдя Его, перебьет 14 000 неповинных младенцев... И эти первенцы — мученики за Христа — пророчески указывают на сотни тысяч, на миллионы духовных «младенцев», то есть на простых по душе и невинных христиан, кровь которых будет литься на земле безпрерывно 300 лет и даже до конца мира.

А Сам Богомладенец пред этим избиением младенцев Вифлеемских вынужден был искать спасения бегством: по повелению Ангела, Он с Матерью, с мнимым отцом Иосифом и его сыном от первой жены — Иаковом, побежит в Египет; потом возвратится в Иудею, а оттуда удалится в Назарет.

В 30 лет Он выйдет на крещение и проповедь. И с той поры одни будут веровать в Него, а другие ненавидеть. И скоро поднимут камни, чтобы убить, так как Он «выдает» Себя за Сына Божия, за Бога (см.: Ин. 10, 31; 11, 53).

А потом вознесут Его и на крест, как преступника, с криками: *«...Распни, распни Его!»* (Лк. 23, 21).

Такой крест Он терпел с Вифлеемского вертепа до Голгофы...

И после Него «меч» страданий перенесся на Его последователей: сначала мучения новых «младенцев», потом простых христиан — 300 лет! Потом — духовное мученичество тысяч и тысяч подвижников Египта, Палестины, Сирии, Афона, России — как мужчин, так и женщин, в монастырях и пустынях; за ними — разделение Церквей; дальше — отделение протестантов, баптистов и других сектантов; наконец, безбожие в западных странах и у нас!

И вот так — почти две тысячи лет!

Откуда это? За что? Кто виноват? В чем именно?

Многие задавались и теперь задаются этим вопросом... Один молодой христианин рассказывал, как на пути его, в вагоне, снова поднялся этот вопрос: за что?

Неужели мы учим дурному? Неужели христианство заповедует войны и грабежи? Неужели мы учим неповиновению властям? Что дурного в нашей вере? — И противники не могли ответить на это... А сочувствующие, их было большинство из слушавших прения, радовались тому, что молодой христианин мужественно и сердечно защищал свою веру.

И пред нами с вами, отцы и братия, стоит этот вопрос: за что?

И церковные историки первохристианства, не только западные, но и наши православные, включая самых ученых, обычно ссылаются на естественные причины: на различие духа — иудеев и христиан; язычники — на подрыв их языческого идолопоклонства христианским учением о Воплотившемся и Воскресшем Христе, о подрыве будто бы государственных законов империи, о разрушении единства и целостности общества, о каких-то мистериях Тела и Крови, что казалось им преступным, и так далее.

Но удивительно доселе: как никто — ни в семинариях, ни в академиях наших, ни в богословских книгах — не говорит и не говорил о главной причине страданий Христа и христиан?! О чем же именно?

Вот и задумаемся ныне над этим.

Кто первый начал открыто искушать Христа в пустыне, после крещения? — *«Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, — говорит нам Евангелие, — для искушения от диавола...»* (Мф. 4, 1). И *«был искушаем от диавола»* 40 дней (Лк. 4, 2).

Почему неверующие евреи преследовали Христа? *«Почему вы,* — спрашивал их Христос, — *не понимаете речи Моей? Потому что не можете слышать слова Моего. Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего; он был человекоубийца от начала и не устоял в истине... А как Я истину говорю, то не верите Мне»* (Ин. 8, 43-45). Вот где источник неверия... Вот кто боролся против Христа. Боролся от Вифлеема до Голгофы. И только пред крестным распятием Господь сказал Своим ученикам: *«...ныне князь мира сего изгнан будет вон...»* (Ин. 12, 31), *«...князь мира сего осужден»* будет (см.: Ин. 16, 11) — *«князь мира»*, господствовавший до Христа над миром (Еф. 2, 2). Он имел *«державу смерти»* (Евр. 2, 14). И Христос Господь пришел на землю именно для того, *«чтобы разрушить дела диавола»*, — говорит любимый ученик Христов Иоанн (1 Ин. 3, 8).

Это не я говорю, а Сам Господь и Его апостолы. Вот где причина! И потому я дивился и дивлюсь, что наши церковные истории об этом молчат как о несуществующем и несущественном, когда Слово Божие иначе учит. И это касается самой сущности и цели пришествия Христова, а не чего-либо второстепенного.

И Церковь Христова в своем богослужении ясно указывает на *«разрушение дел диавола»* — как на цель Боговоплощения. Вот что она говорит: «Во ад Божественное низшествие Твое, Христе Боже, мертвым жизнь явися: Ты бо врага связал еси державу доле,

Благий Ты, Господи», «пришел убити ратника», то есть врага-неприятеля. «Уязвися льстец враг, Бога видя яко Младенца, лежаща в яслех худых, и крепкою рукою Божественною убивается во спасение нас, поющих: Избавителю Боже, благословен еси» (Канон на повечерии предпразднства Рождества Христова, песнь 7-я).

Эта борьба «ратника» против Христа и Его Церкви будет продолжаться до конца мира, когда Христос *«упразднит всякое начальство и всякую власть и силу»*, когда Он *«низложит всех врагов под ноги Свои»* (1 Кор. 15, 24-25).

И особенно эту борьбу придется выносить в мире пастырям Церкви, продолжателям дела Христова. Это ясно. Так предсказал Он Своим ученикам на последней вечери с ними: *«Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. <...> Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше»* (Ин. 15, 18, 20). Когда Он это прежде сказал? Еще когда посылал Своих апостолов на проповедь: *«Ученик не выше учителя, и слуга не выше господина своего: довольно для ученика, чтобы он был, как учитель его, и для слуги, чтобы он был, как господин его»* (Мф. 10, 24-25). Поэтому *«не бойтесь их»* *«Не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц»* (Мф. 10, 26, 31), а *«ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены»*. *«Итак всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным»* (Мф. 10, 29-30, 32).

Это обещано не только апостолам и священнослужителям Церкви, но и вообще всем христианам. Значит, и вам, православные люди, «братья» Христовы. И вы не удивляйтесь и не бойтесь!

Этому учит нас Церковь в первый же день Его Рождения, после славословия Ангельского, когда рассказывает о пришествии волхвов и о последующем избиении Вифлеемских младенцев. И нужно радоваться этому! И апостолы, когда их *«били»* за имя Христово, радовались, что *«удостоились принять безчестие»* (Деян. 5, 40-41)...

Протоиерей Валентин Амфитеатров

«Велия благочестия тайна – Бог явися во плоти...»

Слово на Рождество Христово

Как же велика должна быть радость христианина, если с ним находится Бог!

Ничто его не может запугать и устрашить: ни болезни, ни бедствия, ни коварство врагов, ни измены, ни утраты — и вообще ничто внешнее.

Царь и пророк Давид, ощущая близ себя присутствие Божие, говорит: «Если я пойду через мрак смертной тени — не убоюсь зла, потому что Ты со мной!» (Пс.22,4).

Пожелаем один другому, как желает самый добрый друг, чтобы Господь пребывал с нами — всегда. Чтобы Он, родившийся в нашем сердце сегодня, сотворил в нас Свою обитель. Чтобы Он никогда не был изгнан из любящего сердца. Чтобы мы нашими грехами не затмили в себе дивный образ Божий, подаренный нам Христом. И тогда Он, Царь Неба и земли, и нас не оставит сиротами.

С нами Бог, и мы — с Богом — и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Толкование на Евангелие от Матфея

Избранные главы

ПРОПОВЕДЬ ПРЕДТЕЧИ ГОСПОДНЯ

(глава 3, зачало 5)

Как звезда утренняя пред восхождением солнца явился Предтеча и громко возвестил пришествие Солнца правды Христа. ***Во дни же оны***, – повествует св. Матфей, то есть, в то время, когда Иисус Христос жил еще в Назарете, – ***приде***, исходит по повелению Божию из своего уединения ***Иоанн Креститель, проповедая***, громко провозглашая ***в пустыни Иудейстей***, лежащей на запад от Мертвого моря, и, водимый Духом Божиим, проходит по всей долине Иорданской от этого моря до другого моря – озера Галилейского. Не пошел Предтеча Христов по градам и весям земли Иудейской со своею проповедью, как поступали все ветхозаветные пророки, а проповедовал в пустыне: громко взывал он, ***глаголя: покайтеся!***

Вы обманываетесь в своих мечтах о земном Царстве Мессии – Христа: Он грядет к вам не за тем, чтобы освободить вашу землю от римского владычества, а за тем, чтобы ваши души освободить от плена греховного. Покайтесь! Смирите свое сердце, очистите его от мерзости греховной, от гордого самомнения; иначе не видать вам и Царствия Божия, а это Царство недалеко от вас: ***приближибося Царствие Небесное!*** О каком же Царстве говорит иудеям Предтеча Христов?

Конечно это то Царство, в которое позовет праведников Иисус Христос на втором Своем пришествии, когда скажет им: *приидите благословенни Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира*. Но чтобы войти в это Царство славы, необходимо вступить в преддверие его, в Царство благодати, о котором Господь сказал иудеям: *Аминь глаголю, вам, яко суть нецыи от зде стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Царствие Божие пришедшее в силе*. Это Царство есть Святая Церковь Православная, Самим Господом на земле основанная. Будь послушным сыном Церкви Православной, и незаметно для тебя самого придет к тебе Царствие Божие, войдет благодать Христова в сердце твое, очистит тебя, обновит, соделает чадом Божиим и внидешь в живот вечный, и получишь Царство Небесное. Понятно, что для вступления в Церковь Христову необходимо покаяние, которого и требовал Предтеча Христов от своих слушателей. Но не о таком Царстве мечтали Иудеи: они думали, что Христос освободит их от ига римлян, что с Его пришествием воскреснут все мертвые, будет суд, причем враги их будут истреблены, а сами иудеи будут великим народом, которому покорятся все народы земные. Питая такие надежды, они, конечно, не понимали, как должно, проповеди Иоанна; но хорошо было уже и то, что его проповедь о Царстве Божием пробудила в них желание ближе узнать: что им нужно делать, чтобы войти в него? Эта пустынная проповедь Иоанна невольно напоминала Иудеям древнее пророчество о Предтече Христовом: ***сей бо есть***, объясняет евангелист, ***реченный*** – предсказанный ***Исаием пророком, глаголющим:*** слышится мне ***глас*** мужа, ***вопиющего в пустыни: уготовайте путь Господень*** – приготовьте путь для грядущего Господа, ***правы творите*** – прямыми сделайте ***стези Его***.

Уготовайте пути, – как бы так говорил Иоанн, – будьте готовы к новой благодатной жизни по заповедям Евангелия, *правы творите стези* – понимайте закон ветхозаветный не по букве его, которая убивает, а по духу, по внутреннему духовному смыслу его, который животворит. Господь близ: Он стоит при дверях сердца вашего, будьте же готовы встретить Его!

Сам же Иоанн, своими речами напоминавший Исаию пророка, в то же время своею грубою одеждой, своею суровой постнической жизнью живо напоминал другого древнего великого пророка Илию. Как назорей от утробы матери, он вовсе не стриг волос, его строгое, загорелое, истощенное постом лицо, его пламенный взгляд, вся наружность его невольно заставляли слушателя внимать ему: ***имяше ризу свою от влас велблуждь***, из длинного, толстого, колючего волоса, ***и пояс усмен***, кожаный, такой же, какой носил Илия ***о чреслех своих***. Пояс вообще означает готовность к трудам, а пояс кожаный знаменует еще и умерщвление плоти. ***Снедь же его бе пружие*** – пищею его были акриды, может быть, особый род саранчи, которую и теперь употребляют в пищу арабы, а вероятнее, как объясняют св. Афанасий Великий и св. Исидор Пелусиот, – верхушки особой травы пустынной, которою впоследствии питался, по примеру своего учителя, Предтечи Господня, и св. апостол Иоанн Богослов, как о том пишет Климент Александрийский, ***и мед дивий*** – дикий мед пустынных пчел, весьма горький и противный на вкус. А о жилище Господень Предтеча заботился еще менее, чем об одежде.

И вот, далеко прошла молва, что в иудейской пустыне явился человек, подобный древним великим пророкам. ***Тогда***, – говорит Евангелист, – ***исхождаше к нему Иерусалима*** – жители Иерусалима, ***и вся Иудея, и вся страна Иорданская*** – многие из жителей земли иудейской и областей, лежавших по ту и другую сторону священной реки Иордана. Отовсюду по галилейским и иудейским дорогам потянулись большие караваны туда, где проповедовал Иоанн. Можно было видеть в этих толпах и знатных и незнатных, и старых и малых, и богатых и убогих, и ученых и неученых, и благочестивых и ни во что не верующих...

Для чувственного иудея недостаточно было проповеди о покаянии на словах: нужно было запечатлеть эту проповедь еще каким-нибудь наруж-

ным знаком, дабы они помнили, что дали твердое обещание бросить прежние грехи, веровать во грядущего Христа, принять Его учение всем сердцем, и теперь же, немедленно, переменить свою жизнь. Для сего то Иоанн и установил *крещение*: ***и крещахуся во Иордане от него, исповедающе грехи своя***.

Общее стремление народа к Иоанну было так велико, что даже гордые фарисеи и саддукеи решились сходить к нему на Иордан. Конечно, сердца таких людей не были способны к покаянию. Фарисею казалось, что ему не в чем каяться, что он уже довольно свят, чтобы удостоиться Царства Мессии. Саддукей смеялся в душе и над святостью фарисея, и над духовностью учения Иоанна; он думал, что если он происходит от Авраама, то непременно получит участие и в Царстве Мессии. Приходили они к Иоанну только для того, чтобы показать народу свою ревность ко спасению, а может быть, им хотелось уловить в чем-нибудь незаконном Предтечу Христова, выведать его намерения. Но Иоанн видел их тайные помышления. Строгие обличения древнего пророка Исаии слышались в словах его. ***Видев же (Иоанн) многи фарисеи и саддукеи, грядущыя на крещение его, рече им: рождения ехиднова***, непотребные дети гнусных отцов! Вы на смерть отравляете народ своими соблазнами, вы угрызаете и убиваете даже святых ядом своих клевет! Как это случилось, что вы, будучи детьми таких злых отцов, начали раскаиваться? Откуда такая перемена? ***Кто сказа вам бежати от будущаго гнева?*** Думаете ли вы, что избежите страшного Суда Божия и вечной геенны только тем, что наружно креститесь, а сердцем, душою не переменитесь, не обновитесь, не покаетесь?.. Нет, этого недостаточно; мало даже бросить только грех, надо еще показать и добродетель. Сказано не только: *уклонися от зла*, но и *сотвори благо*. Оставьте свое лицемерие и притворство: ***Сотворите убо плод достоин покаяния***, живите, как подобает человеку покаявшемуся, творите дела любви...

Иоанн совершал крещение народа в Вифаваре, а это было место перехода израильтян чрез Иордан при Иисусе Навине. Блаженный Иероним говорит, что камни, положенные на дне священной реки в память чудесного перехода чрез нее, видны были еще в его время. На сии то камни указывая, великий проповедник покаяния грозно продолжал свою обличительную речь к фарисеям: ***и не начинайте глаголати в себе: отца имамы Авраама***, не думайте надеяться на то, что вы происходите от Авраама, что если вы погибнете, то св. патриарх останется бездетным: и без вас найдутся достойные участники в Царстве Мессии, ***глаголю бо вам: яко может Бог от камения сего***, из сих самых камней, на коих вы стоите в реке этой, ***воздвигнути чада Аврааму*** – таких чад, которые будут подражать его вере и добродетелям и с ним удостоятся Царства Небесного. И от камней Бог может дать ему детей так же, как дал ему младенца от безплодной матери. А вы все же погибнете, если не принесете искреннего покаяния. Теперь самое лучшее время для покаяния, не упускайте его, иначе погибель нераскаянных близка: ***уже бо и секира*** – суд Христов – ***при корени древа лежит*** – близко-близко; не ветви только будут отсечены, но и самый корень посечется, и все безплодное дерево брошено будет в огонь.

Пока еще не поздно, пока секира еще только лежит при корне, не коснулась корня, еще можно покаяться; спешите же, иначе ведайте: ***всяко убо древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает, и во огнь вметаемо***. Будь ты потомок Авраама, имей своими сродниками безчисленных патриархов, но если сам ты не принесешь плода, то достойное понесешь наказание. «Какая высота духа! – замечает свт. Златоуст, – как сильно и смело говорит он к людям, которые всегда жаждали крови пророков, к людям, которые ничем не лучше змей!... С какою свободою он обличает и их самих, и родивших их!» Они воображали, что Иоанн будет пред ними подобен трости, ветром колеблемой, а на самом деле он представлял собою непоколебимый дуб. И они не могли заставить себя исповедать грехи свои Предтече, и уходили от него, не приняв крещения.

Между тем народ, потрясенный страхом грядущего суда Божия, выражал желание избавиться от всех угрожающих бед, и вот Иоанн указывает ему на то, что для полного внутреннего обновления и возрождения необходима помощь Духа Божия, и начинает говорить народу о Христе Спасителе. Я, – говорит он, – только Предтеча Его, ***аз убо крещаю вы водою в покаяние***, и мое крещение недостаточно: оно только удерживает от греха, но не очищает грехов, только приводит к покаянию, но не обновляет души. ***Грядый же по мне, креплий мене есть. Емуже несмь достоин сапоги понести***: я недостоин быть у Него самым последним рабом. ***Той вы крестит Духом Святым и огнем*** – Он излиет на вас преизобильно все дары Животворящего Духа Своего. Подобно огню Его благодать проникает все существо человека, очищает его от всякой греховной скверны и воспламеняет любовью к Богу и ближнему. А тех, кто воспротивится действию Его благодати, Он погубит огнем вечным в геенне огненной, потому что Он есть не только Спаситель, но и Судия грозный; весь мир то же, что гумно Его; теперь в мире все перемешано: и пшеница, и плевелы, и добро, и зло; тогда все это будет разделено. ***Емуже лопата в руце Его, и отребит*** – Он очистит ***гумно Свое***. Как полновластный Господин собственного гумна, как Бог Всемогущий, Он отвеет плевелы от пшеницы, отделит праведных от грешных ***и соберет пшеницу Свою*** – праведных ***в житницу*** – в Царство Небесное, ***плевы же*** – солому, то есть грешников – ***сожжет огнем негасающим***.

Вот Иоанн приписывает два действия Иисусу Христу: крестить Духом Святым и предать неверующих огню. Итак, если должно верить первому, то и последнему необходимо верить. Не думайте, что для спасения довольно одного крещения, даже и Христова. Если будем жить после крещения нечестиво, то будем ввержены в геенну. Не будь легким плевелом или соломою, не поддавайся всякому ветру греховных пожеланий, будь тяжелою пшеницей на гумне Божием, стой крепко против всякого искушения. Такие-то рабы Божии и составляют пшеницу Христову.

ТРОИЦКИЕ ЛИСТКИ.
ТОЛКОВАНИЕ НА
ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ.

(печатается в сокращении)

Человек Божий

Блаженной памяти схиархимандрита Виталия посвящается

Беседа 25

Èç âîñïîìèíàíèé ðàáû Áîæèåé Òàòèàíû, ã Ðîñòîâ-íà-Äîíó

Нельзя даже передать, что за человек был отец Виталий – необыкновенный! Как говорил Патриарх Илия: «С ним можно было просто сидеть молча и ощущать рай». Мы благодарны Господу, что Он сподобил нас здесь, на земле, увидеть святого. Правда, приходилось трудновато, когда Батюшка начинал «чистить». Но он же мог дать потом и несравненную благодать. Батюшка иногда говорил: «Я как медом намазанный – все стремятся ко мне», – настолько он притягивал. При общении с Батюшкой состояние ощущалось особое – с ним было легко, и помыслы куда-то уходили, и молитва творилась сама...

Однажды я ночевала в одной квартире с отцом Виталием и мать Марией. Хозяев не было. Квартира однокомнатная, поэтому я спала на кухне. Рано-рано утром просыпаюсь – Батюшка еще спит, мать Мария тоже. Думаю: «О, я сейчас потихонечку помолюсь!» Встала на молитву – а ее нет! Билась-билась... Через некоторое время слышу батюшкины шаги – он встал, свечечку затеплил – молиться начал – и у меня молитва пошла! Легко-легко стало молиться! Отец Власий[1] говорил: «Мы, как спичка – та зажжется и сразу потухнет, а отец Виталий – как трехпудовая свеча».

По улице отец Виталий обыкновенно ходил в плаще, а не в подряснике – он же не имел паспорта, и был преследуем. Но, несмотря на гонения, в трудное советское время, мы даже умудрялись писать ему письма. По почте их, конечно, старались не пересылать, а если такое все же случалось, то писали больше намеками и ни в коем случае не обращались к нему: «отец Виталий». Адресовали «дедушке», «бабушке», «папе», «маме».

Как-то, будучи в Сухуми, мать Мария с утра собиралась в милицию хлопотать о паспорте для Батюшки и все выбирала, в каком платье ей пойти: то одно наденет, то другое. Это сейчас в милицию можно прийти хоть в апостольнике, а раньше монашествующих преследовали. И вот надела она очередное платье, а я смотрю на нее и говорю: «Матушка, не надевайте его. Вы в нем как бабка старая!»

Отец Виталий, видя нашу суету, пристыдил нас: «Та потеряла покой – не знает, какое платье надеть, а эта служит миру. Сказала бы: "Матушка, да хорошо все!" – и пусть бы она в этом платье шла! А ты миру служишь?»

Думаю: «Ну, все, погибла!.. – Я служу миру!» – я-то думала, что уже «хорошая!» И так это задело мое самолюбие, что совершенно потеряла покой...

После обеда мы поехали в Гудауту, чтобы там тоже хлопотать о паспорте. Сначала в электричке, после – пешком. Батюшка всю дорогу рассказывал то одно, то другое. Я делала вид, что слушаю, улыбалась, а у самой в мыслях одно: «Все! Я погибла! Погибла!»

Пришли мы на квартиру, хозяйка встретила нас и говорит: «Сегодня такая хорошая погода – пойдем на море!» Все согласились, а я ответила, что завтра хочу причаститься и мне надо выполнить правило. Только они ушли – я как разревелась: «Я погибла! Погибла!» Потом думаю: «Хорошо, что они ушли. Такая тяжесть на душе – мне надо выплакаться». Упала в кресло и стала рыдать. Но через некоторое время спохватилась: «Надо скорее вставать и начинать вычитывать правило ко Причастию, а то сейчас Батюшка придет, спросит: «Что ты прочитала?» – а я вся в слезах». Но не успела я и книжку в руки взять, как заходит Батюшка и говорит: «Таня, прости меня! То, что я сказал, может быть, не надо было говорить. Я гордо тебе сказал. Прости меня!» – и я сразу же поняла, что он имеет в виду. Тут же от меня тяжесть отошла, я все забыла и начала молиться. Одно лишь батюшкино «прости» резко изменило мое настроение.

Вечером хозяйка включила телевизор – показывали юг, море, как студенты отдыхают... Я сижу, смотрю, вспомнилось, как я сама была студенткой... с головой ушла в воспоминания.

Вдруг Батюшка встал между мной и телевизором и начал кричать на матушку. Я думаю: «Что же никак не дают посмотреть?!» Стараюсь заглянуть через Батюшку на экран и справа, и слева, но ничего не получается... Потом отец Виталий совсем выключил телевизор...

Батюшка был особенный: он видел любое движение сердца. Только подумаешь не то, что надо, тут же с сожалением и с укором на тебя посмотрит – ему все открыто. Иногда скажет: «Ну, что – сатану пустила в сердце?» А когда смиряешься, Батюшка такой радостный!

Но смирялась я нечасто. Одна раба Божия, что работала в храме, занималась доносительством. И Батюшка мне потом сказал: «Если бы у тебя было смирение, я бы тебя выругал на клиросе, а она бы поняла. Но ты бы тогда начала плакать, приняла бы все на свой счет и впала в уныние – не понесла бы этого: нет у тебя сми-

[1] Архимандрит Власий (Болотов), в схиме – Макарий.

рения! А будь оно, я бы на тебе все ее дела показал». Я говорю: «Да, Батюшка, я боюсь – еще подумают, что я и вправду этими делами занимаюсь!»

Однажды отец Виталий служил водосвятный молебен. Я была за псаломщика. Людей вокруг стояло немного. Вдруг я опускаю голову вниз и вижу, как прямо под ноги Батюшке летит... клок волос. На меня такой страх напал! Думаю: «Кто-то колдует». Если бы я в то мгновение повернула голову, то увидела бы, кто это сделал, – рука, кинувшая волосы, еще не успела опуститься. Но я так перепугалась, что побоялась даже посмотреть в ту сторону. Только подошла к отцу Виталию сзади и тихо сказала: «Батюшка, не сделайте шаг назад». А он в ответ как закричит на меня: «Что, сейчас сатана зайдет – и мы все выбежим из церкви?! Так что ли?!» – и спокойно продолжил служить. А потом мне наедине сказал: «Мне однажды дали просфорку, в которой была иголка. Я перекрестился, иголку вынул, просфорку перекрестил и скушал».

У нас на работе сотрудников время от времени отправляли по путевкам на три дня то в один город, то в другой. И в Тбилиси тоже. Я, конечно, старалась, чтобы путевка в Тбилиси досталась мне, потому что это была возможность лишний раз попасть к Батюшке. Однажды мы, несколько человек, поехали в очередной раз в Грузию. Я говорю своим: «Я с вами на экскурсию не пойду, потому что уже была в Тбилиси. Отправляйтесь без меня, а я пока знакомых проведаю. И не ждите меня – я назад поездом не поеду, а полечу самолетом», – думала время сэкономить, решила, что лучше лишний день побуду у Батюшки. Но благословения на это свое «предприятие» у него не взяла, спланировала все сама.

Купила билет на самолет, приехала на Дидубе, захожу. Мать Мария мне: «О, проходи! Как ты? На сколько?» Я отвечаю: «Завтра полечу самолетом». А Батюшка в спальне тихонько: «Полетишь, полетишь!..» – это мне потом Деспина рассказала – она отцу Виталию в это время ноги массажировала. Наша заведующая попросила меня купить ей мандаринов – я спрашиваю у отца Виталия: «Батюшка, мне заведующая велела мандаринов купить». Он: «Ну, хорошо. Пойдешь на рынок. И я с тобой пойду». Я испугалась, что он, такой больной, и вправду пойдет со мной – говорю: «Нет, Батюшка! Зачем? Я одна!»

Пришла – на рынке мандаринов вообще нет, как я не искала. Собралась уже на выход – вдруг передо мной разворачивают сумку, а в ней такие красивые мандарины! Купила, вернулась на Дидубе, а на следующее утро отправилась в аэропорт. И тут ненастье началось... Сидела я там, сидела – погода нелетная – вылет все откладывается и откладывается: сначала на два часа, потом еще на два... Захотела я кушать, а был постный день. Пошла искать, что купить. Смотрю: продают фасоль. Оказалось, постная. Купила я этой фасоли, компота, наелась – жду дальше. А рейс снова на два часа отложили, затем еще на два... – так до самой ночи мы просидели. Урок я хороший получила. Потом Батюшка Деспину прислал: «Татиана там сидит в аэропорту...» – она меня забрала на ночь, а утром я улетела домой.

Прилетаю – наши все уже приехали, а меня все нет и нет. Звоню заведующей – та волнуется: «Ты где пропала? Ты живая?» Отвечаю: «Живая...» А во всем ведь виновата моя самонадеянность! И много с моей стороны было таких погрешностей...

Поехала как-то раз одна раба Божия, чадо Батюшки, к отцу Виталию и взяла с собой молодую девушку. Прибыли они в Тбилиси, проехали на метро, вышли. И здесь между ними произошла ссора. Девушка от обиды убежала, куда глаза глядят, не зная Тбилиси и бросив свою спутницу с вещами, которых было очень много. Вторая раба Божия стояла в растерянности: то ли бежать искать девушку, то ли оставаться сторожить вещи. Вдруг к ней подходит незнакомая женщина и спрашивает: «Вы к отцу Виталию?» Она отвечает: «Да». Женщина говорит: «Меня Батюшка прислал за Вами. Он сказал: "Там есть рабы Божии – никак не доедут. Я уже и свечку за них поставил, а они – никак!"» – отец Виталий уже все заранее знал...

Когда Батюшка был еще монахом и только начинал ездить с Кавказа по России, остановился как-то проездом в Ростове у рабы Божией Натальи. Отец Виталий тогда предсказал: «Я умру в чужой стране, и меня сбросят с пятого этажа». Проходит много времени, Батюшка умирает. И после похорон одна сестра вдруг вспоминает это его предсказание: «Как же так: Батюшка сказал, что он умрет в чужой стране и его сбросят с пятого этажа? Почему же это не сбылось?» А я ей отвечаю: «Да ведь Грузия – это уже чужая страна! А умер он на Московском проспекте, на пятом этаже – он же не мог сказать, что его с почестями будут нести с пятого этажа!..»

Батюшка вообще всегда смирялся. Например, когда вернулся однажды из поездки по России, то говорил нам, что прозорливая матушка Михаила[2] назвала его «мужиком». Помню, я недоумевала. А мать Мария на это говорит: «Слу-

Раздражаться, срываться не надо, это не похвально. Надо любить и благодарить, да молча Иисусову молитву творить... Люби, смиряйся, у мамы благословение бери и будь дитятей Божией, Ему слава. Аминь.

Из писем схиархимандрита Виталия

[2] Сарычева, жившая в с. Талицкий Чамлык Воронежской области (см. «Задонский паломник» №№ 56-61, "Старица Михаила").

шай его больше! Она его назвала Владыкой!» Отец Виталий себя всегда унижал. Как он только себя не обзывал! Почитайте его письма – он там такие слова в свой адрес отпускает! «...Я – мерзавец! Я такой, я сякой!..» Это мы частенько занимаемся самовозвышением и самовосхвалением, а Батюшка считал, что «все люди – святые», а он – «мерзавец». Всем кланялся. Приедешь – он тебе земной поклон: «Благословите», – и нам надо было его... благословлять. С каким трепетом приходилось это делать: руки дрожат, когда его крестишь. А он, бывало, еще и ноги всем целует! У него была любовь к каждому. Отец Виталий никогда не скажет, что вот этот – некрасивый, а тот – плохой.

Как-то мы говорили с ним про одну рабу Божию, жившую в Таганроге. У нее был какой-то дефект на лице... И я в разговоре, чтобы уточнить, ее ли он имеет в виду, спросила: «Батюшка, у нее какой-то недостаток, да? Нос, кажется...». Он меня перебил: «Нет-нет, у нее нет недостатков. Но ты именно о ней говоришь». Тем более отец Виталий не приветствовал, когда про человека говорили «колдун», «колдунья». И всячески такие разговоры пресекал.

Батюшка был – одна любовь. Если матушка Мария кого-то не допустит к нему, он так переживает... И молится за того человека.

Я не знаю, как можно про него рассказать. Это был такой раб Божий! Ощущение от общения с ним можно только прочувствовать, но чувства эти нельзя передать человеческим языком...

Иеромонах Сергий, что служит сейчас в одной из станиц Краснодарского края, как-то поехал к отцу Иоанну (Крестьянкину) в Печоры, и тот сказал про отца Виталия: «Это – великий старец на Руси».

Когда Батюшка умер, я не была на его похоронах. Но под Введение (когда отец Виталий в Тбилиси еще находился в гробу) снится мне сон, будто лежит отец Виталий накрытый, а я подхожу к нему и говорю: «Батюшка, зачем Вы умерли?! Никто и никогда Вас не заменит!» Он отвечает: «Такие были боли – я уже сам захотел умереть». Спрашиваю: «Батюшка, кому Вы вручаете меня?» Он говорит: «Вручаю всех Матери Божией»... И я проснулась. Хотя и знала, что отец Виталий умер, но на душе было так светло! Когда я шла к ранней обедне, мне казалось, что наступило лучезарное утро. Хотя обычно всегда иду по улице и боюсь, потому что темень. А тут кругом светло...

Как-то, уже после смерти Батюшки, заболела у меня рука. Да так заболела, что я и лекарства разные пробовала, и мази, и в больницу к врачам обращалась – никакой помощи! В храме знали об этой моей беде и очень сочувствовали. Раз вечером мою полы, а сама плачу, слезы вытираю: «Батюшка! Отец Виталий! Помоги! Так рука болит!» Вдруг – звонок. Соседи говорят: «Таня, к тебе кто-то приехал на машине». Думаю: «Кто бы это мог быть в половине десятого вечера?»

Выхожу – стоит незнакомый священник и приглашает: «Садитесь, поедем в больницу». А это наша Олечка, зная, что дочь у этого иерея работает врачом, рассказала ему о том, как у меня болит рука.

Приехали мы в больницу, сделали мне рентген, выписали лекарство. Едем обратно – священник что-то сказал про молитвы и про отца Виталия. А я говорю: «Да я сегодня так просила отца Виталия! Только попросила – и Вы приехали!» Он: «Ну вот – это по молитвам отца Виталия Господь Вам помощь послал. А я – духовный сын отца N. (отец же N. был близким духовным чадом отца Виталия). Так что мы с Вами, можно сказать, родственники».

Привезли меня домой уже в 12 часов ночи. А потом по содействию дочери того священника сделали мне операцию, назначили уколы, физиотерапию – и рука, слава Богу, прошла... Вот так: только призовешь отца Виталия – и он тут же присылает помощь!

Из писем схиархимандрита Виталия

Возлюбленные радосте наши: папа, мама, сестра и все о Господе присные! Владыко шлет Вам благословение Божие и молитвенное благопожелание!

Что не можешь с собою сладить – так нам Бог дал лекарство покаяния. Каждый раз, когда в чем мы грешим, надо каяться, сознавать себя виновным пред Богом и людьми. Иисусова молитва есть покаяние. Ее только читать – и все наладится.

Пришел ученик к старцу и говорит: «Упал». Старец: «Встань». Ученик: «Я встал и упал». Старец: «Встань». Ученик говорит: «До каких пор буду падать?» Старец: «До смерти». Грехов много, и мы их делаем – это и есть падение. Когда себя виним, каемся, читаем Иисусову молитву, советуемся, открываемся – это покаяние, это есть восстание. Будем каяться – и спасемся с помощию Господа, Ему слава. Аминь. А так оставлять – дело плохое. Вот не ешь, не умывайся, ляг и не вставай – что будет? Так и на жизненном пути: споткнулись – надо вставать и идти дальше.

Кланяемся, простите.

О ЧТЕНИИ ЖИТИЙ СВЯТЫХ

Часть 3

Вопрос: *В книге протоиерея Валентина Свенцицкого «Монастырь в миру» встретилось повествование о том, как может человек начать имитировать подвиги святых, находясь под действием разгоряченного воображения. Читаем мы, например, житие преподобного Сергия. И, бывает, до такой степени приходим в восторг от описания подвижнической жизни святого, что нам в какой-то момент начинает казаться, что это мы совершаем всенощные бдения, коленопреклонения, пощения... это мы боремся с бесами... это мы кормим из рук медведя... это мы сподобляемся благодатных видений... и так далее. Мы как бы забываемся, кто мы есть на самом деле, и, закрыв книжку, находимся в эйфории от прочитанного... И на таком эмоциональном подъеме пытаемся зачастую что-то «изображать» из себя. Что можно сказать на этот счет?*

Ответ: Да, такое существует. Происходит это от нашей склонности и любви к гордой мечтательности. А потому, осознав эту свою склонность, нужно стараться удерживать себя от подобных глупостей. У меня тоже был такой опыт. Когда мы пришли в пустыню, недалеко около келии, где мы поселились, лежал большой камень. Когда я увидел его, то мне пришел помысел: «О, так это же можно на нем молиться, как преподобный Серафим Саровский!» Ну, и пошел я на тот камень молиться. Не помню, сколько раз я на него всходил, пока Михаил (будущий монах Давид), заметив это, не сделал мне критического замечания. А потом еще книгу какую-то прочитали, где было написано,

что правильно избирается подвиг лишь тогда, когда он (пост, бдение, молчание и др.) совершается ради освобождения от той или иной страсти (чревоугодия, многословия и т.д.). А если подвиг происходит от тщеславного желания уподобиться святым, то он приносит только вред, а не пользу. Слава Богу – поняв это и убоявшись гордости и прелести, перестал я ходить на тот камень.

Хотя, надо сказать, польза бывает даже и от такого «эксперимента». Если человек по неопытности искренне увлекся безрассудным подвижничеством, Господь долготерпеливо будет вразумлять его различными «осечками». И когда человек поймет свою ошибку, то он смирится – и это уже хорошо. Если он даже в чем-то и ошибется, и понесет какой-то вред, зато поймет, что он – человек скудоумный, и что самочинно по разгорячению нельзя принимать на себя каких-то особых подвигов, а необходимо только ежедневно, всеми силами бороться со своими страстями.

На эту тему вспомнился мне рассказ одного человека о том, какое посрамление от демонов пришлось потерпеть ему в начале своего христианского пути за такую безрассудную ревность и глупую самонадеянность. В то время ему было около двадцати лет. Пожив два года в общении с монахами Троице-Сергиевой Лавры, N. возымел самые благие намерения подражать святым отцам в их ревности по Бозе. Только при этом, к сожалению, на самое главное – дух смирения и покаяния, с которыми необходимо творить молитву и проходить иные подвиги, он не обратил должного внимания...

Вскоре по жизненным обстоятельствам N. пришлось уехать домой. Немного поскорбев, юный ревнитель решил, что сможет и сам в домашних условиях (причем – в короткое время) подъять такие труды, которые дадут ему возможность избавиться от мрака страстей и получить благодать Святого Духа. С огромной и удивительной для самого себя энергией N. в течение нескольких дней преобразил стоявший невдалеке от дома

старый заброшенный сарайчик в уютный «исихастерий». Составил по своему уму и желанию молитвенное правило; определил часы молитвы – с двенадцати до трех часов ночи...

Рассказывая все это через 20 лет и анализируя произошедшее, N. отмечает, что, несмотря на то, что все было якобы по святым отцам, он не устоял в этом деле, так как действовал в духе самонадеянности и гордости (не осознаваемой в то время). А посему вскоре последовала вразумительная для него «осечка», которая началась со страхований. Он начал до такой степени бояться, что кто-то ночью проникнет в его келью и произойдет что-то страшное, что разыскал в хозяйстве большой топор-колун и положил «на всякий случай» у себя под кроватью. Однако страх не прошел – наоборот, усилился, но теперь уже от ощущения присутствия врагов невидимых. «Подвижник» начал видеть во сне каждую ночь бесов, которые его якобы хватали, волочили по полу кельи, затаскивали в свои глубокие «норы», срывали с него нательный крестик и издевались как хотели... Потерпев недолгое время такие «шуточки» со стороны злых духов, бедняга оставил свой «исихастерий» и перешел на жительство в родительский дом. И что же? В первую (после бегства) ночь явился ему во сне бес и, хохоча, с издевкой бросил: «Посмотрите-ка на него – спрятаться от нас захотел! Думает, что мы его здесь не найдем!» С этими словами демон исчез...

С тех пор «приключения» у горе-подвижника прекратились. Все якобы закончилось благополучно, но только неблагополучно при этом было то, что (по его собственному признанию) молитву Иисусову он оставил на долгие годы. И только сейчас он осознает, что причина такого бедственного поражения заключалась в его самонадеянности и гордости, а не в чем-то ином.

Вопрос: *А какие еще могут быть виды «подражаний» подвижникам?*

Ответ: Могут быть самые разнообразные, но чаще всего это бывает в отношении поста, когда человек, как говорится, «ударится» в пост (а точнее, в неядение) очень рьяно. А потом изнеможет так, что не может исполнить молитвенного правила и других своих обязанностей. После этого он только поймет, что не может подражать преподобному Антонию Великому и другим древним святым отцам, которые постились по седмице. И если у него закружится голова и где-то шлепнется, то, перепугавшись, впадает в крайнее

плотоугодие. Если имеет благоразумие, то хотя бы после этого «опыта» смирится и не будет считать себя подражателем древних аскетов.

В одно время жил невдалеке от нас один инок, который пропостился (ничего не ел) пять недель. А потом не только кушал по несколько раз на день, но и в два часа ночи устроил себе дополнительную трапезу. Так что, кто не вразумляется от слов, тот учится горьким опытом.

Вопрос: *Значит, при чтении нужно обращать внимание не на внешние подвиги, а на что-то внутреннее?*

Ответ: Да, именно на внутреннее. В особенности на приобретение смирения, о чем говорит преподобный Силуан Афонский – что весь наш подвиг должен быть направлен на приобретение духа смирения. И кто благоразумно усилится обратить свой подвиг на стяжание покаяния и смирения, тот не ошибется. А если кто-то будет приобретать только подвиг внешний, скажем, количество дней поста, количество поклонов, количество поспешно прочитанных кафизм и акафистов... то... потом придется сожалеть о потерянном труде, времени и силах. Потому что, как сказал преподобный Серафим Саровский, – благодать Святого Духа дается не за труды и подвиги, а за смирение, которое рождается от этих подвигов.

Кстати, последние слова преподобного Серафима обращают на себя внимание. Смирение рождается именно от благочестивых **подвигов**, а не от нерадения о них. А то сегодня все чаще появляются такие «умники», которые надеются сами и учат других, что смирение в них может появиться при нерадении о спасении, а то даже и при творении грехов, а не подвигов. Например, приходит духовное чадо на исповедь и рассказывает, что впадает в тяжкие грехи. А батюшка вместо раскрытия причин этих грехов убеждает, что «это тебе – для смирения». Но не с тем настроем, что «"где совершилось падение, там [в той душе] прежде водворилась [поселилась] гордость", а потому нужно смириться, унизить себя в чувстве сердца ниже и хуже всех и всеми силами начать бороться против одолевающей страсти». А говорится это примерно с таким смыслом: «Поскольку ты имеешь много добрых дел, то чтобы ты от всех твоих добродетелей не возгордился, то лучше тебе впадать в эту страсть, в этот грех, нежели в гордость. Так что этот грех тебе дан для смирения. Не переживай, посредством страстей душа смиряется...» – и т.д., и т.п. И такими «утешительными» словами наставник приводит человека не к покаянию и исправлению, а к самооправданию, нерадению и погибели.

Но это – отдельная тема.

Вопрос: *Вы говорите «потом придется сожалеть о потерянном труде, времени и силах». Не совсем понятно: что же все-таки может произойти с такими чрезмерно ревностными «подвижниками»?*

Ответ: Одни, осознав свое увлечение (чаще – послушав подсказку более опытных), позна=ют свое неразумие и смиряются. Другие (если не принимают благора-

зумных советов), продолжая свои тщеславные подвиги, впадают в гордость и явную прелесть, из которых может извести только Господь Своим премудрым Промыслом, ибо таковые слов увещания не принимают.

Ну, а чаще всего бывает, что эта болезнь принимает «хроническую форму». Она не имеет каких-то ярко выраженных симптомов, тлеет внутри, подобно коварно скрытому недугу, однако медленно, но верно разрушает душу человека. Чаще всего это случается с интеллектуально развитыми людьми, обратившимися от неверия к вере в зрелом возрасте. Придя в Церковь с немалым багажом страстей, таковые в короткий срок постигают теорию «преподобнического жития», но, не имея навыка смиренного о себе мудрствования (т.е. думания и чувствования), как правило, не удерживаются на добром пути.

Приняв на себя самоизмышленные тяжелые подвиги, спустя некоторое (обычно – непродолжительное) время, они впадают в сугубое самодовольство и гордость. Оставляют эти свои подвиги и поддаются сластолюбивому плотоугодию и другим страстям. И

сделав из себя не пойми кого – ни монаха, ни мирянина – начинают обличать священников и поучать чуть ли не всякого встречного человека. Почти всегда ропщут на своего прежнего духовника и, в конце концов, «бракуют» его; иногда ищут прозорливых старцев

(если еще не признали самих себя прозорливыми). Таковые не имеют мира в душе, страдают резкими перепадами настроений, топчутся в духовной жизни на одном месте, мучаются сами и мучают (своим неуравновешенным поведением) других...

Так бывает с теми, кто высоко ценит внешнее, а не внутреннее – смиренное и покаянное – устроение своей души.

Вопрос: *А как практически при чтении может человек приобретать это внутреннее смиренное и покаянное устроение?*

Ответ: Нужно просто быть внимательным и из жизни каждого святого пытаться извлекать для себя какой-либо урок смирения.

К примеру, если мы прочитаем житие преподобного Акакия, о котором повествуется в «Лествице», то подобает нам настроиться на то, чтобы безропотно и смиренно терпеть людей со строптивым характером, как и преподобный Акакий терпел своего грубохарактерного старца.

Если прочитаем жизнеописание старца Силуана и его наставления – будем стараться хотя бы немножко научаться порождающему смирение плачу о своих грехах. Как сказал преподобный: «Господь много пожалел меня и дал мне разуметь, что всю жизнь надо плакать [о своем безчувствии: о том, что Господь ежедневно продлевает нам жизнь и дает всё необходимое для нее, а мы воздаем Ему лишь ежедневным умножением грехов и оскорбляем Его благость, любовь и долготерпение... однако, считаем себя при этом весьма благочестивыми]. Много труда надо положить и много слез надо пролить, чтобы удержать смиренный дух Христов, а без него угасает в душе свет жизни, и она умирает. Смиренная душа имеет великий покой, а гордая – сама себя терзает... Смирение Христово в меньших обитает, они рады, что они меньше, и рады видеть других выше себя...» И ведь взять такой внутренний настрой ничто нам не препятствует, польза же для души будет огромная.

Прочитав житие и творения святителя Игнатия Брянчанинова, будем учиться смиренному исполнению всех заповедей Христовых – как написал о том святитель в «Заключении» своего 6-го тома: «По причине изсякновения благодатных руководителей, по причине умножения лжеучителей, обманутых бесовской прелестью и влекущих весь мир в этот обман, необходимо жительство, растворенное [т.е. проникнутое] смирением, необходимо точнейшее жительство по евангельским заповедям, необходимо соединение молитвы с плачем о себе и всём человечестве...» Если примем умом и сердцем эти слова святителя и будем стараться с Божией помощью их исполнять, – будем постепенно приобретать покаяние и смирение, без которых невозможно спастись душам нашим.

Таким же образом подобает читать и другие жития святых.

Желанию встать на путь духовной жизни и молитвы обычно предшествует чтение житий святых и творений святых отцов

(из книги прот. Валентина Свенцицкого «Монастырь в миру»)

Это чтение воспламеняет ревность, дает назидания и указует на то, к чему должны стремиться мы, грешные.

Но великая польза от этого чтения может быть обращена врагом и во вред нам. Не злом, главным образом, соблазняет человека диавол, а видимостью добра. Все доброе и полезное для души он может обратить в злое и вредное; то, что должно служить ко спасению, может превратить в гибель.

Чтение творений подвижников и описание их подвигов, пользуясь нашей духовной немощью, враг направляет на наше обольщение.

Оно состоит в следующем: при сердечном расположении к духовной жизни чтение святых отцов и описание их подвигов производит на душу впечатление необычайное. Открывается как бы новый мир, столь отличный от окружающего и столь прекрасный, что человеку не хочется отрываться от него и вновь погружаться в грубую, жестокую, грязную мирскую жизнь. Но для того, чтобы остаться там, в этом другом мире среди подвижников, надо самому встать на тот же путь: надо идти в монахи, в затворники, в пустынники.

Но такой жизненный переворот требует исключительной ревности о спасении.

Чаще начинают мечтать о духовной жизни в миру, а иногда, не порывая с мирской жизнью, делают попытку от слов перейти к делу.

Но сразу постигает полное разочарование. То, что так прекрасно в книге, то, что при чтении так легко переносит душу на недосягаемые высоты, при попытке попробовать самому в начале не дает ничего, кроме огорчений.

Вот поразило человека описание ночных молитвенных подвигов.

Решает: попробую вставать молиться ночью.

С непривычки трудно встать в неурочный час. Все тело точно чужое. Холодно в комнате. Глаза режет зажженный свет. Встает на молитву, поглощенный этими физическими ощущениями. Рассеянные мысли бегут в разные стороны. Заставляет себя преодолеть все это. Не удается. Через полчаса сильная усталость клонит лечь. Пытается еще некоторое время удержать себя на молитве, но скоро видит всю безполезность усилий и бросает.

Как это не похоже на то, что он читал, на то, что в чтении переживал так ясно, как будто бы сам участвовал в подвигах.

Мысли: *«Я не созрел еще для духовной жизни. Буду пока продолжать чтение. А там, когда немного вырасту духовно, начну»*.

Успокоенный такою отсрочкою, начинает чтение уже без всяких попыток самому, на деле, идти тем же путем.

При такой оторванности от жизни чтение подвижнических книг скоро создает самообман, что «духовное возрастание» началось.

Все читаемое так захватывает душу, кажется таким близким, точно сам читающий участвует в нем. Душою он вместе. Это он, читающий, простаивает часами на ночной молитве. Это он, читающий, отказался от своей суетной жизни и ушел в непроходимый лес. Это он питается одними кореньями и сухой травой. Это он освободился от мучительных страстей, отдал себя на служение Богу и достиг высоты духовных созерцаний.

Духовная жизнь незаметно подменяется воображением. Воображение, раздуваемое бесовскою силою, до того приближает все к действительности и тем заменяет ее, что пропадает грань между своими состояниями духа, которые есть на самом деле, и теми, о которых читается в книгах.

Когда такая подмена действительности воображением совершилась, человеку трудно встать на путь духовной жизни.

Между пережитым в воображении и сделанным на самом деле — целая пропасть.

И если человек не перейдет эту пропасть в начале — чем дальше будет идти, тем шире она будет становиться. Не замечая, он дойдет до такой оторванности от действительности, что перейти к ней, не возвращаясь назад, будет уже невозможно.

Вот почему чтение духовных книг, чтобы не привести к бесовскому самоуслаждению, должно всегда сопровождаться твердым решением не только читать о духовной жизни, но и начать ею жить. И решение это не должно откладываться на неопределенное время под видом должного смирения: «Я еще не созрел для духовной жизни». Ты не созрел для высоких подвигов, но начинать жить духовной жизнью и подвизаться человек должен быть готов всегда, не откладывая, ибо откладывание не есть подготовление, а лишь увеличение трудностей и скорбей на этом пути. Начинать же надо, памятуя всегда подвижническое правило:

«Если демоны будут склонять сердце твое к подвигу, превышающему силы твои, не слушай их: ибо это их обычное коварство — возбуждать человека к тому, чего совершить не может, дабы впал он в руки их, и они возрадовались об нем» (авва Исаия).

Начинать надо с малого, но обязательно начинать. Чтобы подвижнический путь не переживался только в воображении, но осуществлялся на деле — разумеется, с самых первых его ступеней.

Если человек решает идти этим путем и действительно встает на него — тогда чтение великих творений подвижнических не будет отрывать его от действительности, а будет научать его, как идти по пути духовного совершенствования, будет воспламенять в нем желание идти дальше и давать силу в трудах и утешение в скорбях, столь неизбежных на этом пути. Лишь бы человек не откладывал переход свой от чтения к жизни...

Старица Михаила

Из воспоминаний о схимонахине Михаиле (Сарычевой)

Часть 6

Схимонахиня Михаила (Сарычева; † 1976)

Вспоминает раба Божия Екатерина.

Однажды, в день памяти Архистратига Михаила, мы были в селе Мордово на престольном празднике. Собрались здесь батюшки, много монахинь, мать Михаила была именинницей, и все ее очень внимательно слушали. Жене одного священника она сказала: «Вера, Вера! Какая же у тебя вера? У тебя язык болтается, как у колокола – чуть дернешь, и начнет звонить». А одному из священников мать Михаила предсказала: «Батюшка, ты потише-то по льду бегай, а то поскользнешься, и шляпа соскочит». Он на это не обратил внимание. Тогда матушка как бы невзначай молвила одной монахине: «Посмотри, какая большая колокольня в этом храме. Не лезь на высоту, а то упадешь, кирпич на голову свалится – и останешься на земле», – и стукнула посохом об пол. Как и предсказала – потом вышло непоправимое...

Несколько раз, уже перед матушкиной смертью, бывал у нее схиархимандрит Виталий (Сидоренко). Схимонахиня Антония рассказывает: «Приехал отец Виталий с одной матушкой в Воронеж. Решили заехать к матери Михаиле, взяли и меня с собой. Приехали, заходим в дом. Старица сидит на низкой кроватке, в бурочках, скромно одета. Отец Виталий встал на колени перед матушкой, целует ей руки. А матушка взяла у него благословение и гладит его по голове: "Откуда же такая птичка ко мне прилетела? Дорогая моя, золотая, райская птичка ко мне прилетела!" После мать Михаила мне сказала: "Шура, а в нем Дух Святой обитает!" Когда ехали обратно, заехали в Павловку к отцу Никону (Васину). Кругом храма отец Виталий обошел, зашел внутрь – полы там настилал сам отец Никон (ныне епископ). Нас покормили. Очень вкусная рыба была. Я подумала: "Наверное, батюшка такую вкусную рыбу берег специально для гостей". Отец Никон дал отцу Виталию денег на обратную дорогу.

Матушка, несмотря на свою немощь, была очень трудолюбива. Когда к ней ни приедешь – у нее всегда работа в руках: вяжет четки. До самой смерти работала. А про ту спутницу отца Виталия так мне сказала: «Болтушка! Девчонок моих расстроила. Говорит: "Такую великую старицу надо в город, чтобы больше людей от нее получало утешения, а матушка живет в такой бедноте", – и укоряла за это послушниц. – А куда мне в город? Я старенькая, больная. И тут захлестнули люди». Прислала та потом ей письмо: «Ты теперь, мать Михаила, моя восприемница при постриге в схиму, я заочно тебя избрала». А матушка говорит: «Какая я восприемница, если я при постриге не была и не ручалась за нее перед Богом; а письмо ее я положила под пятку в туфли».

Как мы уже говорили, матушка у многих была восприемницей на монашеских постригах. При этом всегда она необыкновенно строга. Среди ее подопечных была очень известная в Москве схимонахиня Леонтия, урожденная княгиня Левицкая. Ее постригал в схиму схиигумен Митрофан. Восприемницей была матушка Михаила (тогда она еще не была в схиме, и все знали ее как матушку Митрофанию). Вот как схимонахиня Леонтия сама описывает это событие:

«... Прошли три дня сурового поста и молитвы. Наступил давно вожделенный день. Собрались монахини, приехала матушка Митрофания, которая должна была меня принимать от Евангелия. Все ожидали ее появления с трепетом: она считалась прозорливой, от ее благословения зависел мой постриг. В келии батюшки все собрались для чтения правила. Вдруг раздался шепот: «Идет матушка, идет Митрофания». Все расступились, давая ей дорогу. Медленной походкой вошла матушка Митрофания; помолившись на образа, поклонилась всем, опираясь на посох, села. Мать Рафаила стала перед нею на колени, остальные разместились кто где мог. Матушка Митрофания очень сурово обличила за нерадивую жизнь матушку Рафаилу. Потом, обращаясь ко мне, сказала:

– Ты с чем приехала?

Я молчала.

– Бедная, бедная, сколько ты перенесла! Все тебя собаки грызли, да и сейчас грызут. Всего навидалась, натерпелась, а характер горячий да отходчивый – все прощает. Вьются вокруг тебя птенчики, просят помощи, молитв. Не гони к тебе приходящих, терпи. Мать родную береги – недолго вместе будете. Господь скоро разлучит. Голова твоя – головушка больная, ох, и больная! Я видела дивный сон. Видела церковь, и когда вошла в нее, поняла, что святые преподобные Антоний и Феодосий ждут тебя. Готовься к постригу! – заключила она свою речь.

– Вечером постриг, – сказал мне батюшка.

Меня охватила такая радость... Все засуетились, мыли полы, уби-

рали их коврами, у клиросных шла спевка. Набрались откуда-то монашествующие. Я осталась одна, готовясь к исповеди за всю жизнь...

Отпевание матушки Михаилы

...Исповедь окончена. Одета власяница, распущены волосы, я стою в чулках, чувство покаяния наполняет сердце великой грешницы. Поют канон – какие слова полного отречения! Как трудно, тяжко полати накрытой мантией, так тяжело будет идти путем тернистым! Я стою на коленях, сзади матушка Митрофания держит меня за плечи, покрывая мантией, от которой мне тепло. Это тепло распространяется по всему телу... Мысли застыли в любви к Господу, хотелось, чтобы эти минуты длились вечно...

Присутствующие и батюшка плачут, а я ликую: мне неизъяснимо хорошо, душа как бы вышла из тела, объятая любовью к Богу, и эта любовь оторвала меня от земли. В руках одна свеча и крест, надета схима с наречением имени Леонтия. Постриг окончен. Батюшка обратился с кратким словом:

– Как ярко горит свеча в твоей руке – так жизнь твоя, озаренная светом любви к Богу, пусть светит окружающим...

Всю ночь я провела в храме при свете одной лампады...» (*из книги «Женская Оптина», изд. «Паломник», 2005*).

Про старицу Михаилу знали далеко за пределами Тамбовской, Липецкой и Воронежской областей. Знал про матушку и Владыка Зиновий (схимитрополит Серафим (Мажуга)). Он никогда не видел старицу, но много слышал про нее от схиархимандрита Виталия и от схиархимандрита Макария. Владыка так однажды сказал про нее: «Матушка Михаила – солнце в России».

Перед смертью матушка сильно болела. Ее часто причащали и соборовали отец Михаил из Липецка и отец Евгений из Вязового. Вспоминает схимонахиня Евгения: «Как мне матушка предсказывала, так и вышло. Дала она мне послушание к кому-то съездить. Приехали обратно, а ее уже похоронили. Умерла она в доме у послушницы Ксении в Чамлыке 6 августа 1976 года. Перед смертью она из своей маленькой келейки, в которой до этого всегда жила, перешла в комнату и легла на раскладушку: «Туда больше никогда не пойду». Спрашиваю: «Матушка, а почему?» «Нет, я тут буду». Похоронили ее на местном кладбище в селе Талицкий Чалмык. А когда она умерла, как нам плохо было! Со старцами у нас всегда Пасха на душе была!».

Совершаются по молитвам матушки Михаилы чудеса и после ее смерти. Вот что нам рассказала одна раба Божия: «У нас в поселке церковь была в маленьком деревянном доме – ее закрыли, и мы очень плакали. Однажды, когда еще была жива, приехала к нам мать Михаила и стала нас утешать:

– У вас снесли церковь деревянную, а я вам сделаю кирпичную.

Но мы тогда не поверили, как это может произойти. Прошло 27 лет, церкви разрешили открывать – и мы поехали в епархию хлопотать. А там нам сказали: "Если вы будете строить кирпичный храм, то дадим вам разрешение". Тяжело было. Мастера запросили зарплату, а у нас денег нет. Я поехала в Воронеж и с утра пошла в Покровский собор на воскресную службу. Стою, вдруг сзади подходит ко мне одна женщина и начинает меня теснить. Я оглянулась и говорю:

– Зачем вы на меня давите, ведь места и так много?

А она спрашивает:

– Вы строите церковь?

– Да, Господь помогает нам.

– Кто из вас ездил к властям? – снова спрашивает женщина.

Я отвечаю:

– Нас было 14 человек.

– Я всех пересчитала, а одного забыла, вот я к тебе и подошла узнать, кто же первый решил просить денег у властей и притом таких безбожных. Больше не просите. Теперь я вам буду собирать деньги на храм.

Я ей почему-то говорю:

– Хорошо. Собирай. Вот Дуся стоит, ты ей отдавай. А я уже у нее буду брать.

– Ей деньги не нужны, а нужны тебе.

Я ей очень нервно ответила:

– Женщина, да ведь очень трудно деньги на храм собирать.

Она мне говорит:

– Я ведь тебе обещала.

– Когда Вы мне обещали? – вздрогнула я. – Не помню. Дайте мне Ваш адрес, я к Вам буду за деньгами ездить.

– Ты мой адрес сама знаешь.

Я удивляюсь еще больше:

– Женщина, я не знаю Вашего адреса.

Могила схимонахини Михаилы, с. Талицкий Чамлык, Липецкой обл.

Она говорит:

– Пойдем на выход...

И мы пошли. Я подумала: надо найти бумагу и свой адрес ей записать. Стала рыться в сумке, а когда подняла голову и на нее взглянула – это же матушка Михаила. Она, точно! Я испугалась и сделалась не своя. Не знаю, что получилось, но она вдруг исчезла, и нигде ее не оказалось. Это было большое чудо, и я его никогда не забуду. А на храм деньги набрались сами собой. Тоже совершенно чудесным образом. И ни у кого мы их не просили».

«Господь вчера и днесь Той же и во веки»

Письмо монаха Давида к рабе Божией Нине Григорьевне и брату Иоанну

Часть 6

И вот приблизился долгожданный вечер. Я снова, не ужинав, легла раньше всех и уснула...

М.К.[1]*: Достойно удивления то, что 14-летняя отроковица, не имеющая никакого церковного наставления о постах, незримо Духом Святым научается соблюдать воздержание — ради утешений Небесных отказывается от утешений земных.*

И снова я иду куда-то вверх. Но уже не одна, а вместе с тобой. Сначала вел ты меня, а потом стала вести тебя я...

М.К.: *Кто кого ведет — это образное обозначение: кто от кого пользуется духовно. Когда Михаил начал просвещать свою сестру и склонять ее к вере в Бога, тогда вел он ее. А когда она рассказала ему свое видение и дала тем самым направление в духовной жизни и дальнейшей христианской деятельности, то стала духовно вести его уже она. Однако потом Нина снова получила повеление: «Во всем слушай своего брата и делай так, как он будет тебе говорить».*

Подошли мы к каким-то большим воротам. Эти ворота были железные и массивные. Они были заперты. И для того, чтобы их отворить, необходимо было, чтобы оттуда, изнутри, дал кто-то приказание на это. Мы стояли и ждали. Ворота отворились, мы вошли внутрь и очутились в саду несказанной красоты.

Здесь был пенек, на который ты сел, а я стояла возле тебя и рассматривала все вокруг. Кругом были такие красоты, что я сейчас не могу передать. Мое внимание остановилось на мальчике, который стоял в этом саду. У него были какие-то необыкновенные глаза... эти глаза были такими, что мимо них никто не мог пройти незамеченным. Мальчик все вокруг видел и все запоминал. Он был маленький, совершенно голенький и очень красивый. У него были крылья. Я стояла, глядела на него и не могла оторвать глаз.

Вдруг я заметила, что из глубины сада к нам идет та Женщина. Увидев Ее, ты встал. Она подошла к тебе и сказала: «Живя на земле, ты все время хотел видеть, какая Я на самом деле, и не видел, а теперь вот видишь».

В этот момент я увидела, что в воздухе прямо к Ней летит маленький мальчик. В его руках была бумага, свернутая в трубку. Я поняла, что этот мальчик, подобно как и первый, — твой Ангел Хранитель. Мне только было непонятно: почему у меня один Ангел Хранитель, а у тебя будет два?..

М.К.: *А объяснялось всё очень просто. Это свидетельствовало о том, что Михаил примет ангельский образ, т.е. монашество. Второй Ангел Хранитель дается человеку только при пострижении в монашество.*

И еще я поняла, что в том свитке, который он нес, была описана вся твоя жизнь.

Этот мальчик подлетел к Ней и дал Ей в руки свиток. Она развернула его и стала читать. Я стояла и смотрела...

Вначале Ее лицо было радостным, а затем на нем появилась печаль. Потом снова появилась радость, которая изредка прерывалась тенью печали, сожаления или сочувствия. Но чем дальше Она читала, тем делалась все веселее и веселее и, наконец, сделалась совсем веселой.

М.К.: *Изменение выражений лица Царицы Небесной — это свидетельство о том, что жизнь Михаила будет весьма непростой. И действительно — монаху Давиду пришлось вести серьезную духовную брань, в которой он, как человек, иногда изнемогал и был в больших недоумениях и опасностях. Потому-то Царица Небесная так о нем и заботилась, ходатайствовала ему спасение и сострадала во всех его скорбях и искушениях, радовалась же его духовному мужеству и верности.*

Потом Она спрятала эту бумажку в складках Своей одежды и сказала: «Подождем, сейчас прилетит ...». Не помню того слова, которое Она сказала.

И вот к нам откуда-то сверху стало спускаться что-то наподобие облака. Оно было круглой формы и имело выступ. Подлетев к нам, оно приземлилось. Ты сел

[1] Курсивом с пометкой «***М.К.***» выделены пояснения автора рубрики монаха Константина (*прим. ред.*).

на него. Тот мальчик, который принес свиток, сел рядом с тобой, а тот, который стоял и внимательно наблюдал за всем, взялся руками за край выступа. «Облако» поднялось и полетело...

Обратившись ко мне, Женщина сказала: «Когда будет лететь это "облако", то оно будет создавать звук, чтобы все слышали и видели, потому что это будет у нас праздник».

М.К.: *По всей вероятности, имеется в виду праздник, о котором говорит Священное Писание, что «радость бывает на Небе и о едином грешнике кающемся» (Лк. 15, 10).*

Потом Она сказала: «Пойдем». И мы пошли.

На нашем пути встречались юноши. Они стояли группами и о чем-то говорили между собой. Их разговоров я не слышала, а только видела, как они шевелили губами. На них были длинные одежды, достававшие до самой земли. Одежды были разных цветов, и эти цвета были не одинаковой насыщенности: у одних светлее, у других — темнее. Волосы также были не одинакового цвета и не одной длины: у одних они были длиннее, а у других — короче. Но все эти юноши имели одно общее то — у них у всех были крылья.

Мое внимание привлек один юноша, который отличался от остальных своим видом. На нем была одежда только до колен. Причем эта одежда была как будто из железных галстуков. В руке у этого юноши был меч, горевший огнем.

Всякий, кто нас встречал на пути, кланялся нам. Причем это делали не так, как у нас на земле...

Мы шли с Ней среди неописуемых красот. Мое внимание привлекли столы. На них была самая разнообразная пища, причем такая, какая мне никогда и на ум не приходила, и о которой я не имела никакого понятия. Было удивительное изобилие всего. Но характерно то, что нигде я не видела сала и мяса. Эти столы были своеобразны тем, что вся пища была разложена прямо на земле. И посредине каждого такого стола лежал большой круглый хлеб, а на нем — соль.

Когда мы с Ней шли, я посмотрела вверх. И увидела, что высоко в воздухе летает множество детей. Эти дети имеют крылья, и среди них находишься ты. Все вы взялись за руки и как будто совершали какой-то хоровод. Это было несказанно прекрасное зрелище! Я стояла и очень долго смотрела. Я не могла налюбоваться теми чудными узорами, которые вы образовывали своим воздушным хороводом...

Когда мы проходили, то очень многие обращались к Ней с различными просьбами. Если Ее кто-то о чем-то просил, Она останавливалась, внимательно выслушивала и говорила: «Пусть будет по-твоему», «Пусть будет так, как ты хочешь». Никому ни в чем Она не отказала. Я смотрела на Нее и думала: «Какая прекрасная Женщина! На Нее будешь смотреть вечно и не насмотришься, так как Она все время изменяется и один Ее вид красивее другого. Ее невозможно постичь... В какой Она славе! Кто Ей уподобится? Такой, какой Она, не было, нет и не будет... О, если бы такая женщина была у нас на земле, то она бы и смотреть ни на кого не захотела! А эта всем так служит...»

Когда я так думала, мы с Ней встретились глазами, и я почувствовала, что все то, что я о Ней думаю, Она знает. И мне стало как-то неудобно перед Ней.

Мы подошли к какой-то как бы границе, и Она сказала: «Тебе пора». А мне хотелось быть с Ней неразлучно. Печаль охватила меня, когда я вспомнила землю и все, что на ней. Но делать было нечего. Оставаться здесь навсегда я была еще неготова. Меня, по Ее словам, ожидали еще долгие годы земной жизни, преисполненные скорбями и болезнями...

Снова я очутилась перед дорогой, которая вела с неба прямо к нашему дому. Сделав несколько шагов, я решила посмотреть: где та Женщина и что Она делает?.. Она стояла и смотрела мне вслед. По Ней было заметно, что Ей тоже скорбно, что мы разлучаемся. Я спросила Ее:

— Встретимся ли мы с Тобой еще?

— Обязательно встретимся, — ответила Она и перекрестила меня вслед.

На сей раз я уже не шла, а, поднявшись в воздух, летела над этой дорогой, причем очень быстро. Когда подлетела к своему дому, то все двери передо мной сами собой открылись. Поставив на кухне икону, я полетела в комнату на свое место. Но как только я стала приземляться на диван, в комнату вошел отец, так как было уже утро, и, подойдя ко мне, растерянно и испуганно спросил:

— Нина, откуда ты падала?!

Я, недолго думая, ответила на его вопрос вопросом:

— Как откуда? С потолка, что ли?

— Не знаю. Но я ясно видел, как ты падала откуда-то сверху!..

* * *

Об этом случае я уже знал где-то за месяц до Нининого рассказа, так как отец, крайне изумленный непонятным происшествием, в тот же день рассказал об этом всей семье. Но тогда никто ничего не понял. А для меня это стало ясным только сейчас.

Будучи поражен ее рассказом, я сидел и безгласно плакал. За слезами я уже не видел своей 14-летней собеседницы, которая прервала свой рассказ и о чем-то думала. Потом посмотрела на меня и спокойным повествовательным тоном сказала: «Ты плачешь...»

Я не мог ничего говорить. Мне казалось, что обо всем этом рассказывала не она, а Кто-то через нее.

Казалось, будто Кто-то невидимый говорил ей, а она только повторяла. Лишь некую малую часть моих чувств могли выразить в тот момент слова праведной Елисаветы: «И откуда мне сие, да приидет Мати Господа моего ко мне». Мне захотелось в ту же минуту оставить все. Уйти из мира вообще и до конца дней своих простоять перед Ней на коленях — так меня поразили Ее величество и власть. Я подумал о Ней как раз то, о чем писал апостолу его друг: «Если бы я не знал Бога, которого ты проповедуешь, то принял бы Ее за Истинного Бога». (Из письма священномученика Дионисия Ареопагита апостолу Павлу).

Со временем, успокоившись, я задал сестре некоторые вопросы, часть которых напишу Вам.

М.К.: *Следует помнить, что беседа эта велась не между взрослыми, а между детьми. Отсюда — простота, наивность и даже некоторая несерьезность их речи.*

— Какого возраста была эта Женщина? Сколько, приблизительно, было Ей лет?

— Она была такого возраста, как наша мама.

(Нашей маме в то время было 40 лет).

— Был ли у Нее на голове какой-нибудь головной убор?

— Нет, у Нее на голове не было никакого головного убора и не было никакой прически. Ее волосы были свободны и все время находились в движении, играли волнами; они были у Нее как бы живыми.[2]

— А какого цвета были Ее волосы?

— Темно-русого.

— Какой был у Нее нос? Был ли он загнут книзу, как это обычно бывает у евреев?

— Нет. У Нее нос не был загнут ни книзу, ни кверху. Он был маленький и прямой.

— Какого цвета были Ее глаза?

— Не могу сказать. Для того чтобы знать их цвет, нужно в них смотреть.

— Не спрашивала ли ты Ее, сколько лет ты проживешь на земле?

— Спрашивала.

(Но об этом писать не буду).

— Те юноши, которые стояли группами и о чем-то беседовали, были одного возраста или нет?

— Нет, не одного. Одни из них были старше, а другие моложе. Им было где-то по 16-18 лет, но были старше и моложе...

— Была ли какая-то взаимосвязь между возрастом этих юношей и их внешним видом?

— Нет, не было. Внешний вид каждого из них говорил о его внутренней сущности, то есть о его близости к Богу.

— Ты говоришь, что не слышала их бесед, а только видела, как они шевелили губами. Хоть приблизительно ты догадывалась, о чем они говорили?

— Нет.

— Слышала ли ты те просьбы, с которыми к Ней обращались?

— Я слышала только, как к Ней обращались со словом (здесь на земле этого слова нет в употреблении). Этим словом Ее там называли.

— Помнишь ли ты сейчас это слово?

— Да, помню.

— Как Она относилась к просящему?

— Останавливалась, внимательно выслушивала просящего и говорила: «Пусть будет по-твоему», «Пусть будет так, как ты хочешь».

— Почему Она не выполнила твоей просьбы, когда ты просила у Нее одежду короткую, без рукавов, с большим вырезом вокруг шеи и с зубцами?

— После я поняла, что эта моя просьба была мне не в пользу спасения, а потому Она и не послушала меня.

— А кто к Ней обращался с просьбами, только эти юноши или и еще кто-то?

— Нет, не только юноши. К Ней обращались и многие другие, но кто именно, я не видела, а только слышала откуда-то доносившиеся обращения к Ней, на которые Она отвечала.

— Слышала ли ты просьбы, с которыми обращались к Ней?

— Нет. Я слышала только Ее ответы.

— Ты говорила, что, видя Ее безграничную мудрость и доброту, решила сделать Ей какую-то пакость, затем, чтобы посмотреть, как Она на это прореагирует. Не скажешь ли ты, какую именно пакость хотела ты сделать?

— Нет, не помню, какую именно. Помню только, что при всем моем желании у меня ничего не получалось. Я была очень удивлена: «Как это так, что нельзя сделать пакость?!» Мое недоумение Она разрешила, посмотрев на меня с улыбкой и сказав: «Здесь у нас зла сделать нельзя».

— Ты говоришь, что видела мальчиков, которые были совсем голенькие. Что ты подумала, глядя на них?

— То, что они совсем голенькие, мне и в голову не приходило и ничуть не удивляло, поэтому я не придавала этому совершенно никакого значения. Я смотрела на них, голеньких, точно с такими мыслями, с какими бы смотрела на одетых. А им было абсолютно не стыдно, что на них нет никакой одежды. Это так и должно быть. Там понятия другие, не такие, как на земле.

— Ты говоришь, что когда возвращалась на землю, то видела всю нашу улицу. Знала, кто что делает, кто что думает, кого что ожидает, кто сколько лет проживет... Можешь ли ты вспомнить что-то о ком-то?

— Нет, не могу. Как только я вошла в дом, сразу все это забыла.

— Все ли ты мне рассказала из того, что видела и слышала?

— Нет. О многом из того, что я видела и слышала, Она повелела никому не говорить. Кроме того, когда я вошла в свой дом, то сразу все забыла, а помню только то, что рассказала, за исключением того, о чем Она повелела никому не говорить. Да и вообще, там идет все совершенно по-другому; там за одно мгновение

---

[2] Но это не дает права Вам быть с непокрытой головой. Ибо, как пишет Апостол: *«Всякая жена, молящаяся с открытой головой, постыжает свою голову. Ибо это — как если бы она была обрита»*. Если Вы будете более внимательны к Писанию, то узнаете, что: *«Жена должна иметь на голове знак власти над нею, для Ангелов»* (см. 1Кор. 11, 5 и 10), а Эта, с непокрытой головой — есть Владычица Ангелов, Честнейшая Херувим и Славнейшая Серафим. *(Прим. монаха Давида).*

услышишь и увидишь столько, сколько здесь не увидишь и не услышишь за тысячу лет. Кроме того, многих вещей и событий я не в состоянии воспроизвести в памяти, по-видимому, по той причине, что их сущность выше всякого земного понимания.

— Все-таки мне не совсем понятно, как это ты рассказала, какой у Нее был возраст, волосы, нос, и в то же время говоришь, что Она все время изменяется, и что на Нее будешь смотреть вечно и не насмотришься. Как это понять?

— Да. Совершенно верно. На Нее будешь смотреть вечно и не насмотришься, это я поняла, когда была там. Она все время изменяется, и один Ее вид красивее другого. Всякий раз, когда я на Нее смотрела, то обо всем забывала, будучи поражена Ее красотой.

* * *

С того памятного вечера моя жизнь приобрела совсем новое направление. Мои взгляды на мир, на наше земное существование и на наше назначение в этой жизни сделались совершенно иными...

И за что возлюбила Херувимов Честнейшая всего мира грешнейшего?.. Это известно одной Ей...

...О том, как проходила моя жизнь в дальнейшем, можно было бы писать еще много, но думаю, что и так достаточно. И пора уже воздать славу, честь, благодарение и поклонение в Троице славимому Богу — Пребезначальному Отцу со Единородным Его Сыном и со Всесвятым и Благим и Животворящим Его Духом, и Пресвятей, Пречистей, Преблагословенней Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии, ныне и присно и в день будущего века, за все благодеяния и милости, излиянные на грешную мою душу.

Благословлю Господа на всякое время
выну хвала Его во устех моих.
О Господе похвалится душа моя:
да услышат кротции и возвеселятся.
Возвеличите Господа со мною
и вознесем Имя Его вкупе...
Воспойте Ему и пойте Ему, поведете вся чудеса Его. Хвалитеся о Имени Святем Его, да возвеселится сердце ищущих Господа.
Взыщите Господа и утвердитеся, взыщите лица Его выну. Помяните чудеса Его, яже сотвори, чудеса Его и судьбы уст Его.
Правду Твою не скрых в сердце моем и истину Твою и спасение Твое рех, не скрых милость Твою и истину Твою от сонма многа...
Кто премудр и сохранит сия и уразумеют милости Господни.

Монах Давид. Январь 1983 год.

Тихая лесная обитель

История Свято-Тихоновского монастыря

Глава 6

Особым почитанием здесь с самого начала устроения обители пользовался источник, ископанный, по преданию, самим св. Тихоном Задонским на берегу Проходни. К нему от южных святых врат через фруктовые монастырские сады вела мощеная дорога, тянувшаяся «по крутому извилистому спуску». Внизу, на правом берегу Проходни, была выровнена обширная площадка, сохранившаяся и до наших дней. Здесь устроен был «просторный конюшный двор с подъездными сараями и гостиница для приходящего черного народа». Гостиница же для «белой публики» располагалась при обители — «наверху горы, близ юго-западной башни монастыря». Это было двухэтажное деревянное «со службами» здание, которое о. Геронтий характеризует как «более удобное и приличное», чем приют для богомольцев при источнике. Именно здесь останавливались и почетные посетители обители.

Но и «белые», и «черные» уравнены бывали на левом берегу Проходни, при святом источнике, к которому вел деревянный изящный мостик, перекинутый через совсем неширокую речку. Тут, над колодцем, устроена была небольшая деревянная часовня, украшенная иконами, пред которыми теплились неугасимые лампады.

Отец Геронтий сообщает, что «к часовне этой совершаются из обители торжественные крестные ходы в 1-й день августа, в день Богоявления Господня и Преполовения, и тут происходит в эти дни на источнике освящение воды».

В прочие же дни богомольцы, стремившиеся соприкоснуться со святыней, могли испить ледяной воды из благословленного святителем Тихоном источника и совершить омовение в 2-х купальнях (мужской и женской), устроенных справа от благодатного кладезя и представлявших собой срубы, крытые черепицей. Слева от источника поставлены были кельи для проживания иноков, следивших за порядком в этом святом месте.

Ныне мы не имеем сведений о жизни Свято-Тихоновского мужского монастыря до его упразднения Советами в 1920 году. Известно лишь, что игумен Кассиан управлял обителью до 1910 года. По его кончине здешняя монашеская община в течение ряда

лет оставалась без настоятеля. В это время обязанности настоятеля исполнял казначей монастыря — иеромонах Алексий. В 1912 году он был возведен в сан игумена, а в 1913-м стал настоятелем. Его окормлению вверены были около 20 монахов и 40 послушников (1910 — 21/46; 1911 — 19/37; 1912 — 22/39; 1913 — 24/37; 1914 — 23/42).

Немалого приложения сил управителя требовала хозяйственная сторона здешней монастырской жизни. Достаточно заметить, что земельные угодья тихой лесной обители были куда обширнее, чем у Задонского Богородицкого монастыря. Перед революционным переворотом за Тихоновским монастырем числилось 832 десятины 1200 соток, а за Богородицким — 683 десятины 350 соток.

Тихоновский мужской монастырь на рубеже XIX–XX веков

Но вот настал трагический октябрь 1917-го, а немного позже — 23 января 1918 года — укрепившиеся у власти ненавистники веры Христовой декретом «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» поставили «*Тело Его*» (Еф. 1,23) фактически вне закона на территории павшей империи Российской. «**Никакие церковные религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют**», — гласит, в частности, этот документ.

Храмы и монастыри стали подвергаться всяческим имущественным притеснениям. Зачастую их попросту грабили даже в тех краях, которые не опалил огонь войны гражданской. Подобный налет пришлось пережить и обители во имя святителя Тихона, чудотворца Задонского.

«Воронежский вестник церковного единения» от 21 (8) июля 1918 года в материале под заголовком «Грабители в монастыре» рассказал читателям о налете на Задонский Тихоновский общежительный монастырь. Вот как это происходило:

— Часов около 10 вечера, «когда братия находилась в храме для слушания общей молитвы, явились 15 лиц в гимнастерках, вооруженные револьверами». Пришедшие в грубых и категоричных выражениях потребовали прекратить общую молитву. Выяснив, кто является игуменом, «несколько человек из них повели» игумена «в его помещение, прося указать, где монастырские деньги. После глумлений над ним эти хулиганы опять вернулись, стали сами разыскивать деньги, нашли их и взяли около 3000 рублей, кроме того, они взяли некоторые церковные вещи и скрылись». Монахи снесли все смиренно, за исключением одного послушника, которому «один из хулиганов разбил револьвером голову»...

Но неизвестные грабители пришли и ушли, а вот власти, наложив руку на национализированное имущество монастыря, уходить не собирались.

Напротив, с каждым днем все меньше зданий оставалось в распоряжении насельников. Протокол N 33 заседания президиума Задонского уездного исполнительного комитета от 16 декабря 1920 года констатирует, что почти все помещения «при указанном монастыре заняты детскими трудовыми колониями», а также «Совхозом». «Совхоз» или «райсовхоз», как именуют его в документах, был образован на базе монастырского хозяйства, видимо, до начала 1920 года. А уже с марта 1920-го повели наступление на еще проживавших в кельях монахов. Так, на заседании Президиума Задонского УИКа, проходившем 16 марта 1920 года, было рассмотрено представление райсовхоза от 15 марта о выселении монахов Скитского монастыря. Пока решено было представление отклонить. В том же, что касается использования монахов как рабочей силы, райсовхозу было предложено «обратиться с этим ходатайством в укомтруд». По документам пока не прослеживается, принималось ли решение о принудительном привлечении монахов к труду, но если таковое и было, то иноки внимания на него не обратили. И 16 апреля того же года в УИК была представлена докладная о том, что «монахи Скитского монастыря, трудоспособные, отказываются работать в имеющемся советском хозяйстве, а занимаются даже спекуляцией». Далее предлагается оставить необходимый штат при церкви для отправления обрядов, а всех трудоспособных заставить работать в рамках трудовой повинности. А нетрудоспособных — передать на иждивение собеса.

Можно предполагать, что усилия руководства совхоза не пропали даром. И в конце 1920 года власти констатируют, что в «Скиту» сохраняется «черное гнездо» в лице лишь 18 монахов, которые продолжают Богослужения «до настоящего времени». По мнению авторов документа, последние иноки Тихоновской обители «в личных интересах продолжают нагло эксплуатировать религиозные чувства усталых слоев трудового крестьянства», что может «вредно отразиться на воспитании детей [*из размещенных в обители трудовых колоний*]. Отсюда следует вывод: надо немедленно предложить созданной на этом же заседании межведомственной

«Комиссии по выселению монахов» на основании Декрета от 23 января 1918 г. и к нему инструкции, «приступить к подготовке всех материалов для ликвидации Скитского монастыря, мешающего воспитанию детей».

«Как священнослужителей, так и монахов» планировалось после выселения разделить по двум возрастным группам, передав «всех трудоспособных до 50-летнего возраста в Укомтруд на предмет использования их для трудовых целей». Всех же «больных и старше указанного возраста, считаясь с личным желанием, передать в имеющийся при Усобезе дом гражданских инвалидов».

Подробный рассказ о том, как проходила окончательная ликвидация обители, основанный на документах Воронежского облгосархива, содержится в книге И. Ивановой «Обитель над Доном».

Через пару дней после вышеупомянутого заседания Задонского УИКа, 19 декабря 1920 года, члены комиссии по выселению монахов Кононов и Пчелинцев совместно с жителями ближайшего села Проходня С. М. Курбатовым и В. Т. Лопуховым в присутствии казначея монастыря иеромонаха Тихона произвели опись и опечатали все монастырское имущество. «Опись произведена без всяких инцидентов, и можно полагать, что также протечет и дальнейшая работа по ликвидации этого монастыря», — удовлетворенно замечают грабители именем «народа».

И действительно, документы, известные на день сегодняшний, не позволяют говорить о каких-либо репрессивных действиях против последних насельников Свято-Тихоновского мужского монастыря. Их имен нет в «Алфавитном списке репрессированных в годы Советской власти священно- и церковнослужителей», составленном сотрудником Государственного архива Липецкой области, членом комиссии по канонизации Липецко-Елецкой епархии В. Б. Поляковым на основании следственных дел, хранящихся в фондах архива.

Хотя попытка начать уголовное преследование братии, не желавшей покидать намоленное место, была. Как раз незадолго перед заседанием Задонского УИКа в «Скиту» был проведен обыск, выявивший тайник «под церковью». Там хранились «многие позолоченные и серебряные церковные принадлежности и также книги в серебряной оправе». Там же, к радости «поисковиков», обнаружились три винтовки-трехлинейки и 2000 патронов, да еще 4 лопатки «военного образца», что для того смутного времени неудивительно. Хотя И. Иванова предполагает, что военную амуницию «пожертвовали» как раз те, кто организовал обыск. Могло случиться и такое. Но зафиксированных в документах последствий эта находка не имела, кроме туманной угрозы в уже цитированном выше протоколе N 33: «в срочном порядке провести расследование и виновных придать суду».

Видимо, показательный суд не понадобился, так как монахи безропотно оставили кельи и храмы.

Согласно постановлению уездной «Комиссии», выселение братии из Свято-Тихоновского монастыря было назначено на 23 декабря, причем оно должно было проводиться «действиями милиции» с таким расчетом, чтобы к утру 24 декабря «занимаемые монахами помещения были очищены».

Вид монастыря. Осень 1991 года.

А уже 25 декабря, в 9 часов утра, «для распределения всего остального имущества и зданий Скитского монастыря для нужд соответствующих ведомств и советских учреждений» выехала специальная комиссия, включавшая экспертов-художников. Судя по документам, уездные власти предполагали, что «среди имущества масса ценных вещей, которая может быть целесообразно и рационально использована некоторыми советскими учреждениями». Что же касается предметов чисто культового назначения, то их, вполне разумно, сначала хотели передать ближайшему «обществу верующих» [так именовали тогда приходы]. Но кто-то проявил политическое чутье, заявив, что «тем самым, разрушая один притон для одурачивания несознательной массы, будем укреплять другой». А потому постановили «все предметы религиозного культа сложить в определенном складе». Дальнейшая их судьба, в том числе и чтимой некогда копии с иконы, писанной после обретения нетленных мощей свт. Тихона Задонского, неизвестна.

Монастырь был закрыт первым в Воронежской губернии. Причиной тому стало «необыкновенно живописное и в санитарном отношении здоровое местоположение монастыря». А потому в 1922 году, после того как «Совхоз» освободил занимаемую им часть обители, к уже имевшимся здесь добавили и еще одну детскую колонию, до того размещавшуюся в Тюнинском женском монастыре. В итоге, как сообщает И. Иванова, на 1923 год в «детколонии» с добрым названием «Уют» проживало 113 детей. Но затем в связи с действительной ликвидацией «безпризорщины» надобность в столь многочисленных «республиках Шкид» отпала и их число начали сокращать. Не миновала эта судьба и «Уют».

Л. МОРЕВ

Накануне Рождества Христова

Д. Булгаковский

То, что я хочу сейчас рассказать, случилось на самом деле[1].

Был канун Рождества Христова. В бедном селе Соломинке, занесенном со всех сторон снегом, шли спешные приготовления к празднику. В приходской церкви только что кончилась всенощная. Пожилой дьякон Кузьмич, с трудом вытаскивая ноги из глубоких сугробов снега, возвращался из церкви домой.

Было очень холодно, мороз крепчал, злился ветер, снег, как бешеный, кружился. Поднималась метель.

Остановившись перед маленькой избушкой, Кузьмич на крыльце отбил снег с ног и вошел в дом. Его жена Катерина, женщина средних лет, дородная, с румяным, добрым лицом, накрывала стол к ужину. Увидев вошедшего отца, маленькая дочка Нюта соскочила с полатей и бросилась к нему.

– Погоди, Нюточка, видишь, снегу сколько, – ласково остановил он ее и, сняв полукафтан, перекрестился широким крестом на образа. – С преддверием праздника поздравляю… – обратился он к жене.

Но Катерина не только ничего не ответила на его приветствие, но даже не обернулась, продолжая возиться у печки. Кузьмич сел, поцеловал дочь и вздохнул. Нюте не сиделось спокойно. Она то заглядывала в лицо отцу, то вставала и подходила к матери. Теперь ее хорошенькое личико было не так весело, как всегда, – она думала о брате Васе, семинаристе. Без него она встречала первое Рождество. Она очень любила его и думала, что он теперь делает в училище. И не одна она думала о нем, думали и мать, и отец и чувствовали, что для них наступающий праздник был не в праздник.

Еще задолго до Рождества начались разговоры о сыне, и когда ясно стало, что Вася не придет на праздник, так как не было оказии послать ему денег на дорогу, все как-то загрустили. И теперь в самый канун Рождества его отсутствие было особенно тяжело.

Ужин был накрыт. Хозяйка поставила на стол миску горячих щей и взглянула на мужа: в ее веселых, добрых глазах были слезы. Поймав на себе взгляд жены, дьякон почувствовал себя виновным и опустил голову.

– Что-то теперь делает бедный Вася? – проговорила Нюта.

От этого напоминания о мальчике еще больше защемило их сердце. Катерина, повернувшись к мужу, тихо сказала: «Говорила – пошли письмо Васе… Так нет, все твердил, что поспеем, вот тебе и поспели», – и она заплакала. Отец встал и подошел к окну, чтобы незаметно смахнуть навернувшиеся слезы.

– Вишь, непогода-то какая, – через минуту проговорил он. – Может быть, и хорошо, что не пришел, поди, в поле теперь ни зги не видать.

Ветер выл в трубе, снег стучал в окна.

– Теперь бы сидел касатик, – тихо заговорила снова мать, прижимая к своей груди Нюту, – разговелся бы вместе и пошел бы Христа славить.

– Полно, жена, – угрюмо проговорил дьякон, чувствуя, что она еще больше наводит тоску своими причитаниями.

– Да, тебе все нипочем, а он, небось, сердечный, – продолжала она, – скучает и плачет. Шутка ли, праздник какой…

Ужин остался нетронутым: с ними не было Васи… А Вася был уже недалеко от родного дома.

Еще задолго до праздника он с нетерпением ждал весточки от родителей, но дни проходили за днями, а весточки не было. Вот уже его товарищи собираются на Святки домой, а он скучный бродит из угла в угол, вспоминая, как, бывало, с нетерпением он дожидался дома Рождества Христова и христославил, а теперь приходится сидеть в училище. Он не выдержал и расплакался… Но нашлись добрые товарищи, дали ему в долг несколько копеек и позвали с собой.

От уездного города Борович до Соломинки было не больше восьмидесяти верст. Некоторым товарищам его приходилось идти еще дальше, но никто из них на расстояние не обращал внимания. Все были заняты одною радостною мыслью, чтобы скорей увидаться с родными, похристославить, повидаться с друзьями-товарищами, побывать на колокольне и позвонить, словом, каждого в родной деревне ожидало много хорошего и веселого. Вот они теперь все собирались в дорогу и, запасшись хлебом, расходились в разные стороны.

Идет и Вася в компании с тремя товарищами. Был ясный, морозный день. Снег искрился под холодными лучами солнца. По де-

[1] По преданию, подобная история произошла со святителем Тихоном Задонским.

ревням поповичей встречали радушно, кормили, чем Бог пошлет, а ночью они засыпали крепким сном, где попало – на полу, на полатях, на лавках.

На третий день пути Вася должен был оставить последнего товарища Преображенского в его деревне дома. Мороз крепчал, и подымался ветер. Уже вечерело, когда они подошли к Осоковке. Поевши и отдохнув у товарища, Вася стал собираться в дорогу.

– Да ты бы, голубчик, переночевал, – ласково уговаривал его старый диакон, отец Преображенского. Но Вася не остался. Да и как было остаться накануне праздника в чужом доме, и тем более, что до Соломинки оставалось всего пять верст.

Выйдя из деревни, он плотнее завязал на голове башлык. Встречный ветер мешал ему идти, резал лицо, снег засыпал глаза. Вася медленно двигался по дороге. Он ежеминутно останавливался и отворачивался от ветра, чтобы перевести дух.

«Скорей бы дом», – думал он, пристально всматриваясь в туманную даль. Кругом, кроме бешено крутящегося снега, ничего не было видно. Снег заметал широкую дорогу. С трудом вытаскивая ноги из сугробов, он шел, оглядываясь по сторонам. Мальчик чувствовал сильную усталость, ноги подкашивались. Ему делалось страшно холодно, тем более что нагольный тулупишко на плечах был далеко не новый. Он вспомнил про отца, про мать, про сестренку Нюту, и у него как будто прибавилось силы, но борьба с рассвирепевшей стихией ему была не под силу. Хотелось отдохнуть, но он спешил домой. Ему казалось, что прошло много времени, а между тем Соломинки все еще не видать. «Надо отдохнуть», – подумал он и сел. Постепенно мальчик начал замерзать. Ему грезилось: приходская церковь, родная деревня, он читает и поет на клиросе. Скоро голова его упала на грудь, и, казалось, сама смерть уже стояла у него за плечами. Но вот послышался колокольчик, к нему приближалась тройка сытых лошадей, которые, увидев что-то черное на дороге, бросились в сторону.

– Кажется, человек, – проговорил ямщик, обернувшись к седоку.

Седок быстро вылез из кибитки и, увязая по колена в снегу, подошел к Васе. Мальчик не чувствовал, как его подняли, как добрый купец Белоусов спрятал его в свою шубу, стараясь отогреть своим телом и дыханием.

Вася очнулся, когда они были уже далеко от Соломинки. Купец, смотря на него, улыбался, радуясь, что ему удалось спасти замерзавшего мальчика.

– Ну, парень, счастье твое, что я подъехал, а то ты наверняка замерз бы.

Вася от радости заплакал.

– Ты, что же, издалека?

– Из Соломинки, сын Кузьмича, тамошнего дьячка, – ответил мальчик.

– Из Соломинки? – переспросил купец. – Да мы давно ее проехали, – и купец велел ямщику вернуться обратно.

Было уже поздно, но в доме еще не спали. Тройка остановилась у крыльца, ямщик постучался в окно. Но еще раньше до его стука Кузьмич открыл дверь, услыхав колокольчик.

– Принимай гостей, хозяин! – весело крикнул купец.

– Милости просим!

Не выпуская Васю из-под шубы, купец веселым взглядом окинул всю семью Кузьмича.

– Поди, сына не ждал? – проговорил он и засмеялся. Все посмотрели на него с удивлением.

Ему хотелось подольше полюбоваться на их недоумение, но Вася так заерзал под шубой, что он должен был его выпустить:

– Ну, вылезай, молодец! – с хохотом распахивая шубу, сказал купец. Вася бросился на шею матери. Радости не было границ.

Прошло с тех пор сорок лет. Был тоже канун праздника Рождества Христова, и тоже бушевала буря, и стояли трескучие морозы. В большой архиерейской церкви кончилась всенощная. Толпа нищих стояла на паперти в ожидании выхода архиерея, который имел обыкновение после богослужения раздавать милостыню.

Далеко в стороне от других нищих робко стоял седой, изможденный старик, кутаясь в жалкое рубище, дрожа всем телом от холода. Он пришел сюда издалека, бродя из деревни в деревню с сумою.

Окруженный народом вышел архиерей из церкви, за ним келейник нес на блюде медные деньги. Медленно продвигаясь между рядами нищих, он щедро оделял их милостыней. Более назойливые из них оттесняли робких, но от зоркого взгляда пастыря никто не укрылся. Сойдя с паперти и благословив народ, он уже хотел сесть в свою карету, как взгляд его упал на дрожавшего от холода старика. Архиерею стало жаль его, он остановился и обернулся к келейнику, но денег у него уже не было.

– Приходи ко мне на праздниках, – ласково сказал он нищему и уехал.

Этот добрый архипастырь был никто иной, как прежний Вася, который по окончании курса духовной академии принял монашество и теперь был посвящен в архиереи.

Скоро все разошлись. Площадь перед церковью опустела.

Старик, тяжело опираясь на палку, побрел к себе в сырой, холодный угол. На третий день праздника он робко попросил келейника доложить о нем архиерею, который позволил ему прийти в дом за милостыней.

В роскошно убранном зале сидел архиерей за книгой, когда во-

шел к нему келейник и доложил о пришедшем.

Он сказал было келейнику выдать ему милостыню и накормить, но потом почему-то раздумал и вышел к нему сам. Смотря на его морщинистое лицо, он опять его пожалел. Ему захотелось утешить несчастного, и он посадил его в кресло, расспрашивая про его жизнь.

Нищий рассказал, что он когда-то был богатым купцом, но, по воле Божией, разорился.

– Видите, Владыко святый, – сказал он, – как Господь судил: теперь побираюсь, а когда-то сам помогал другим. У меня прежде была большая торговля в Новгороде, удачно торговал по ярмаркам... Во всем имел счастье, не забывал и бедных, особенно остался в памяти один случай. Помню, раз накануне Рождества Христова ехал я в Смоленск на ярмарку. Мороз был, как теперь, страшный. Смотрю, на дороге сидит окоченелый мальчик.

Архиерей быстро встал с кресла и в волнении заходил по комнате, поминутно останавливаясь и внимательно всматриваясь в старика. А тот, ничего не замечая, продолжал свой рассказ, говорил, как он отогрел малютку в своей шубе, как привез его родителям, как те были удивлены и плакали от радости.

– Помню, – продолжал старик, – мальчика звали Васей, шел он из семинарии на Святки домой.

– Вот кто жизнь-то мне спас! – со слезами на глазах воскликнул архиерей. – Тот Вася, которого ты подобрал с дороги, был я.

Изумленный старик вскочил с кресла. Архиерей поклонился ему в ноги.

– А я часто вспоминал моего неведомого благодетеля и молил Бога за него, – продолжал архиерей, обнимая нищего и любовно усаживая его с собой на диван.

– Чудны дела Твои, Господи! Мог ли я думать, – сквозь слезы сказал растроганный старик, – что, спасая замерзшего мальчика, я спасаю жизнь будущего архиерея.

– Сам Бог помог нам встретиться, – перекрестился архиерей, – и когда встретиться? В такой же день, в какой ты спас мне жизнь. Этой встречей Сам Господь внушает мне вернуть твое прежнее счастье – ты будешь снова купцом.

– Куда мне, Владыко святый, стар я.

– Ну, так ради Бога, сделай для меня милость – останься у меня, я буду смотреть за тобой, как за отцом.

– Спасибо, милостивец, за твое доброе слово, – мне бы только теплый угол в богадельне, да изредка тебя видеть, и я буду счастлив. Ты для меня теперь стал, как родной. – Архиерей снова обнял старика, с горячей готовностью обещая исполнить его просьбу.

«Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение», – восторженно произнес архиерей церковную рождественскую песнь, прощаясь со своим благодетелем.

«ХРИСТОС РОДИЛСЯ – ВСТРЕЧАЙТЕ»

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Заморозило снежным облаком,
Затянуло прозрачным льдом.
И луна спелым желтым яблоком
Зарумянилась над прудом.

Сыплет с веток искристым инеем,
И скрипит под ногами снег.
Зимний вечер губами синими
Шепчет мне, что ты лучше всех.

И глядит удивленно-ласково,
Как из прошлых далеких лет,
Снеговик угольками-глазками,
Будто добрый прохожий вслед.

Рукавицы отбросив в сторону,
Ты ему поправляешь нос
И смеешься: «Смотри, как здорово,
Настоящий пришел мороз!»

Т. Лапина, г. Елец

СЛЕЗЫ

Набухшие почки затронул мороз,
Упали на грешную землю.
Бабуля, не выдержав внучкиных слез,
Сказала: «Не плачь, холод жизнь не унес,
Опять будут почки к апрелю».

— Ну, как же! А эти, а их-то за что,
Из этих хочу я листочки.
Бабуль, почему не поможет никто
Спасти и согреть эти почки?

Задумалась бабушка —
Сложный вопрос.
А люди шли мимо, спешили.
Упавшие капельки искренних слез
Не тронул коварный весенний мороз,
Их солнца лучи осветили.

С. Кузнецов, г. Тула

Просьба не использовать альманах в хозяйственных целях

При перепечатке ссылка на "Задонский паломник" обязательна

399200, Êèñòàöêàÿ îáë., ã. Çàäîíñê, óë. Êîìñîìîëüñêàÿ, 14,
Çàäîíñêèé Ðîæäåñòâî-Áîãî ðîæäåñòâåíñêèé æåíñêèé ìîíàñòûðü,
òåë. 2-49-55. *Âûõîäèò ñ 2000 ã. Òèðàæ 5500 ýêç.*
Ïåðåïå÷àòêà è êîïèðîâàíèå ìàòåðèàëîâ ñòðàíèöû ïîçâîëåíî è îò÷è÷èñòâåí è îïèñàíèå ñîãëàñîâàíî ñ ïîñòàâùèêîì.
Ñâèäåòåë�ñòâî *ÏÈ ¹ÔÑ77-21446 îò 01 äåêàáðÿ 2005 ã.*

Мальчику, который просил рассказать Рождественскую сказку

Святитель Николай Сербский (Велимирович)

Расскажу я тебе сказку, которую услышал от православных арабов из села Бетджала, близ Вифлеема. В давние, давние времена, задолго до Рождества Христова, жил в Вифлееме человек, по имени Иессей, сын Овида, внук Вооза и Руфи. Было у Иессея восемь сыновей; самого младшего звали Давид. Был он пастухом, пас вифлеемских овец. Священное Писание говорит, что был он отроком стройным, светловолосым и красивым. Был этот молодой красивый пастух удивительно сильным и храбрым: если лев или медведь похищали овцу из его стада, он легко настигал зверя, вырывал ее из кровожадной пасти и убивал похитителя. Итак, был наш Давид воистину добрым

и верным пастырем белоснежного своего стада. И отца своего почитал, как велит Господь.

Часто ночевал он в поле, на широкой земной постели, укрытый златотканым покрывалом звездного неба. Но то, что расскажу тебе, произошло не в поле под звездами, а в одной каменной вифлеемской пещере.

Выдался однажды очень жаркий день (такие дни — не редкость в этой восточной стране). Овцы Давида улеглись в тени маслин. Солнце жгло немилосердно, и овцы стонали от жажды. Мучился от жажды и Давид. Вошел он в одну пещеру, чтобы укрыться от зноя и отдохнуть. В этих пещерах прохладно летом и тепло зимой. Войдя в пещеру, молодой пастух сел на камень, но дремота одолела его, и он прилег и заснул. Только сон был недолгим: сквозь сон Давид почувствовал на теле что-то холодное, вздрогнул и проснулся. Открыв глаза, он увидел, что мерзкая змея, свернувшись на его груди, обвилась вокруг рук! Вот подняла она над лицом его свою плоскую голову и злобно, не мигая, смотрела на отрока горящими, как уголь, глазами. Давид содрогнулся от ужаса. Положение его было отчаянным, спасения, казалось, не было. Стоит ему шевельнуться — змея вопьется в него и прольет ему в кровь свой яд. О, насколько легче было ему бороться с рычащим львом или ревущим медведем, чем с этим ползучим и цепким гадом!

Что делать? И тут Давид вспомнил своего неизменного помощника в бедах, своего Господа, и возопил всем сердцем, полным боли и слез: «Не оставь меня, Господи Боже мой, не отступи от меня! Поспеши на помощь мне, Избавитель мой в стольких бедах!» Лишь произнес он эти слова, как необыкновенный свет засветился в углу пещеры. Свет имел форму круга, высотой в человеческий рост. Посреди этого сияющего круга Давид увидел прекрасную Отроковицу с ласковым и серьезным лицом. Отроковица села, голова Ее чуть склонилась к Младенцу, Которого Она держала на руках: такого прекрасного Младенца сын Иессея еще никогда не видел. Вдруг Ребенок выпрямился в объятиях Матери и зорко посмотрел на змею очами, подобными двум молниям. И перстом указал ей на выход из пещеры, словно повелевая исчезнуть. Вскочил Давид и пал ниц пред Отроковицей и сияющим Младенцем. Он хотел поблагодарить Их за нежданное спасение, но только было отверз уста, глянул и — никого не увидел. После этого вся пещера наполнилась каким-то чудным благоуханием, напоминающим аромат самого дорогого ладана или смирны.

До последнего дня своей жизни Давид не мог забыть это чудесное явление. Вознесенный Господом от пастушества на царский трон, он всегда помнил об этом чуде. Уже будучи царем, он написал две богодухновенные песни — одну Прекраснейшему из сыновей человеческих, а другую — Царице в позлащенных ризах. И, играя на арфе, пел эти песни в высокой башне своего Иерусалимского замка.

А ты, мой юный друг, угадай поскорее: что это за пещера? Что означает ужасная змея? Кто эта Отроковица? Кто Младенец? Я подскажу тебе радостным приветствием: Христос родился![1]

---

[1] В Сербии в праздничные дни Рождества все люди приветствуют друг друга словами: «Христос родился», как мы на Пасху восклицаем: «Христос воскресе! Воистину воскресе Христос!»